

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. А. Синдеев

**ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ
ПОЛИТОЛОГОВ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2020

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

А.А. Синдеев

**ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ
ПОЛИТОЛОГОВ**

**Доклады Института Европы
№ 375**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2020**

УДК 327.5-049.5(4)
ББК 66.4(4),30
С38

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Н.Б. Кондратьева (зам. председателя), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потемкина

Научные редакторы К.Н. Гусев, Е.В. Дрожжина

Рецензенты:

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор
Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук

Тема НИР 0191-2019-0002

«Трансформация европейской системы безопасности. Отношения России с участниками европейской системы безопасности и евроатлантическими институтами (ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ)»

Синдеев А.А. Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов = Problems of transformation of European security in the works of Russian political scientists : [монография] / А.А. Синдеев. – М. : Ин-т Европы РАН , 2020. – 100 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 375). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-164-1.

Монография посвящена изучению проблем трансформации европейской безопасности российскими политологами. Благодаря солидной эмпирической базе выявлены общие и особенные черты в подходах отечественных политологов. Поставлены дискуссионные вопросы, которые могут способствовать успешному продолжению исследований проблем европейской безопасности и сопровождающих её трансформационных процессов. Работа будет полезна магистрантам, аспирантам и исследователям, занимающимся европейской безопасностью, связанными с ней феноменами и процессами.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82020_375

© ИЕ РАН, 2020

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.A. Sindeev

**PROBLEMS OF TRANSFORMATION
OF EUROPEAN SECURITY
IN THE WORKS
OF RUSSIAN POLITICAL SCIENTISTS**

Reports of the Institute of Europe

№ 375

Monography

Moscow

IE RAS

2020

Аннотация

Монография посвящена изучению проблем трансформации европейской безопасности российскими политологами. Эмпирическую базу составили статьи, вышедшие в период с апреля 2014 по март 2020 г. в восьми научных журналах: «Современная Европа», «Мировая экономика и международные отношения», «Актуальные проблемы Европы», «Научно-аналитический вестник Института Европы РАН», «Вестник МГИМО (У)», «Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир», «Международные процессы», «Международная жизнь», что позволило выявить общие и особенные черты в подходах отечественных политологов. Поставлены дискуссионные вопросы, которые могут способствовать успешному продолжению исследований проблем европейской безопасности и сопровождающих её трансформационных процессов. Работа будет полезна магистрантам, аспирантам и исследователям, занимающимся европейской безопасностью, связанными с ней феноменами и процессами.

Annotation

The monograph is devoted to the study of the problems of transformation of European security by Russian political scientists. The empirical base was formed by articles published in the period from April 2014 to March 2020 in eight scientific journals: «Contemporary Europe», «World Economy and International Relations», «Topical Problems of Europe», «Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS», «Bulletin of MGIMO (U)», «Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia: Russia and the World», «International Processes», «International Affairs». Thanks to a solid empirical base, common and specific features in the approaches of domestic political scientists have been identified, as well as discussion questions have been raised that can contribute to the successful continuation of research on European security problems and the transformation processes accompanying it. The work is not intended for a wide range of readers. It will be useful for undergraduates, postgraduates and researchers dealing with European security, related phenomena and processes.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Как определять европейскую безопасность?.....	13
Глава 2. Системные процессы и их влияние на европейскую безопасность.....	21
2.1. Основные тенденции.....	21
2.2. Главный вызов времени.....	29
Глава 3. Европейская интеграция и внутренние рамки безопасности.....	35
3.1. Европейский союз: состояние и перспективы.....	36
3.2. Некоторые проблемы наднационального уровня безопасности и обороны.....	44
Глава 4. НАТО: состояние и перспективы.....	49
4.1. История изменений и сценарии развития.....	49
4.2. Трудности текущего сотрудничества.....	56
Глава 5. Европейская безопасность: подходы отдельных стран.....	61
5.1. Великобритания.....	62
5.2. Франция.....	64
5.3. Германия.....	68
Глава 6. Варианты межгосударственного сотрудничества и европейская безопасность.....	73
Заключение	82
Литература	87
Об авторе	96

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. How to Determine European Security?	13
Chapter 2. System Processes and their Impact on European Security.....	21
2.1. Key Tendencies.....	21
2.2. The Main Challenge of Time.....	29
Chapter 3. European Integration and Internal Security Framework.....	35
3.1. European Union: State and Prospects.....	36
3.2. Some Problems of the Supranational Level of Security and Defense.....	44
Chapter 4. NATO: Status and Prospects	49
4.1. History of Changes and Development Scenarios.....	49
4.2. The Difficulties of the Current Cooperation.....	56
Chapter 5. European Security: Country-Specific Approaches	61
5.1. Great Britain.....	62
5.2. France.....	64
5.3. Germany.....	68
Chapter 6. Options for Interstate Cooperation and European Security.....	73
Conclusion	82
Literature	87
About the author	96

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы определяется пятью причинами:

– объективно происходящей трансформацией системы безопасности в целом и европейской безопасности в частности;

– отсутствием политического согласия касательно конечного результата данной трансформации, что существенно повышает ответственность политологического сообщества, побуждает его выстраивать и (или) расширять диалог как внутри сообщества, так и с профессиональными сообществами и политиками из других стран, подготавливать практические предложения и рекомендации, добиваться их обсуждения не только в России, но и за её пределами;

– необходимостью в новых условиях систематизировать исследовательские ракурсы, зафиксировать суть имеющегося научного консенсуса по основным проблемам трансформации европейской безопасности, наметить перспективные темы для дальнейшей работы;

– усиливающейся, в том числе благодаря реализации масштабных национальных проектов, акторностью российской политологической науки;

– пониманием того, что интеллектуальный процесс не может быть подвергнут санкциям, а так называемая мягкая сила включает в себя и слабо изученный компонент научного влияния.

Российское политологическое сообщество располагает значимыми работами и способно более активно участвовать в практико-ориентированном интеллектуальном международном трансфере, направляя его в необходимое для развития РФ и отечественной политологии русло.

В связи с этим приведём слова Ал.А. Громыко: «Занимать сильные позиции... важно не только для значимости собственной науки как самоцели, но для выполнения прикладных задач, включая фундаментальность национального образования, формирование экспертного и общественного мнения в стране и за рубежом, нарративов и терминов, рождённых в отечественном

котле научной мысли... Наука интернациональна по своей природе, но не менее ценны её разнообразие, соревновательность и многоголосие, которые создаются различными школами мысли, и которые, в свою очередь, коренятся в том или ином национальном опыте»¹.

Цель работы состоит в первичной систематизации и анализе работ отечественных политологов, занимающихся проблемами трансформации европейской безопасности.

Сформулированная таким образом цель требует некоторых пояснений.

1. Под первичной систематизацией следует понимать то, что автор не претендует на представление всех тенденций отечественной политологии в данном вопросе, поскольку это не только превысит объём, выделенный для выходящих в серии «Доклады Института Европы РАН» работ, но и будет невыполнимой для отдельного исследователя задачей, если принять во внимание все монографии, диссертации, статьи, доклады, в той или иной мере посвящённые трансформации в сфере безопасности.

2. Первичную систематизацию не стоит воспринимать в качестве оправдания ограниченности исследовательских возможностей; наоборот, благодаря указанию на первичность перед автором встали две важные задачи – сформировать верифицируемую эмпирическую базу, с помощью которой систематизация стала бы возможной, и охарактеризовать суть главных, по его мнению, направлений текущего научного поиска коллег.

3. На первый взгляд может показаться, что объяснять особое внимание к отечественным исследователям не имеет смысла. Однако за последние десятилетия количество работ обобщающего характера, в которых представлены достижения российских политологов, резко сократилось. Сложилась парадок-

¹ Громько Ал.А. Метаморфозы политического нелиберализма // Современная Европа. 2020. №2. С. 8. Вспомним также размышления А.П. Цыганкова и П.А. Цыганкова: «Российские международные исследования в основном освободились от доминирующего влияния западной теории, но пока не создали собственной теоретической школы и всё ещё находятся на стадии накопления экспертно-эмпирического знания» (Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. №2. С. 9, 15).

сальная ситуация: наработки зарубежных коллег в России известны лучше, чем отечественные аналоги. Данный вывод легко доказать сравнением цитируемости зарубежных и отечественных работ в нашей политологии. Негативные последствия такого положения заключаются в локализации, потере системного взгляда на российскую политологию. При этом отечественную политологию целесообразно, с нашей точки зрения, интерпретировать как общероссийскую, состоящую из столичных и региональных центров, научных школ и т.п.

4. Тема исследования заставляет автора провести дополнительные географические и содержательные ограничения:

- сделать акцент на крупных державах так называемой старой Европы и взглядах исследователей на проблемы европейской безопасности и трансформационные проблемы, возникающие при их изучении;
- выявить факторы, которые влияют на европейскую безопасность;
- охарактеризовать трудности в содержательном наполнении понятия «европейская безопасность»;
- проанализировать роль Евросоюза в данном проблемном комплексе;
- отказаться на данном этапе исследования проблем трансформации безопасности российскими политологами от рассмотрения работ, посвящённых концепции *Большой Европы* (см. оглавление)².

² Сложность и значимость данной концепции видны в цитате из статьи А.В. Кузнецова. «Большая Европа, – пишет он, – может успешно существовать, опираясь как на *социокультурную близость* (здесь и далее в цитате курсив наш – А.С.), так и *тесные экономические связи европейских стран – всех членов ОБСЕ*. При этом важно подчеркнуть *непродуктивность центр-периферийных подходов*, какие бы ядра Европы ни выделялись экспертами или политиками: на самом деле Большая Европа представляет собой *множество переплетающихся субрегиональных общностей* (например, таких как Северная Европа / Балтийский регион)... опыт холодной войны показывает, что именно в рамках Большой Европы в период разрядки создавались весьма продуктивные механизмы взаимодействия самых разных европейских государств... ..Большая Европа представляет собой *неоднородный полицентричный макрорегион мира*» (Кузнецов А.В. Переосмысление концепции Большой Европы в связи с украинским кризисом // *Международная жизнь*. 2014. №12. С. 7-8, 11).

Последнее ограничение, наверняка, вызовет критическое замечание следующего содержания: европейская безопасность не может мыслиться без России, без межгосударственных структур (к примеру, без ОБСЕ³), а подразделение на старую и новую Европу носит конъюнктурный характер и воскрешает подзабытую пропагандистскую формулировку одного из бывших американских министров обороны. В настоящее время нужно отойти от таких «форм» и интенсивнее работать над эффективным сотрудничеством различных стран⁴.

Автор полностью согласен с данным замечанием. Однако работ, посвящённых позиции России, её участию в различных форматах и внесённых ею предложениях, всё же несколько больше, что повышает значимость для отечественной политологии первоочередного исследования смежных тем.

³ Применительно к ОБСЕ в исследовательском сообществе появляются предложения, направленные на её реформирование (выделены в цитате курсивом). «Перспективная роль ОБСЕ...», – отмечает И.Н. Щербак, – скорее, видится в создании консультативной платформы для ведения диалога между ведущими региональными организациями на пространстве ОБСЕ с тем, чтобы избежать рисков нестабильности, связанных с преодолением конфронтационных противоречий между региональными организациями в ходе их эволюции, и обеспечить политическую стабильность интеграционных процессов... представлялось бы логичным *внесение в повестку ОБСЕ новой экономической проблематики*, связанной с предотвращением торгово-экономических рисков при расширении членства в ЕС и ТС и последующем взаимодействии этих организаций на экономическом пространстве Европы... Речь могла бы идти о *возложении на ОБСЕ функции “брокера” в налаживании конструктивных отношений между ЕС и ЕАЭС и подготовке обоих торгово-экономических объединений к гармонизации политических и технических условий* в целях создания в перспективе единого экономического пространства и зоны свободной торговли» (Щербак И.Н. Антикризисные механизмы ОБСЕ в интеграционных процессах Запад – Восток // Международная жизнь. 2014. № 12. С. 47, 53-54).

⁴ См. в связи с этим полезные размышления А.В. Кузнецова: «довольно распространённый взгляд на Европу через призму безопасности рисует в качестве ядра НАТО, а на его периферии могут располагаться даже центральноазиатские партнёры. В экономической сфере на место ядра назначается ЕС, который постепенно поглощает всё больше европейских стран. В области культуры институциональной оболочкой называется Совет Европы с его требованиями минимальных стандартов демократических свобод и прав человека, верховенства закона. В плане религии – христианство... Вместе с тем наиболее понятным и учёным, и простым обывателям цементирующим фактором оказывается преемственность историко-культурных ценностей Европы» (Кузнецов А.В. Указ. соч. С. 10).

Осознавая, что представленная систематизация является в научном плане первичной (см. цель), а комплекс европейской безопасности и связанные с ним проблемы оказываются масштабнее и сложнее, автор планирует продолжать исследование в выбранном направлении и рассмотреть в последующих работах, посвящённых данной проблематике, позицию коллег, занимающихся так называемыми странами новой Европы, ОБСЕ, обеспечением безопасности на постсоветском пространстве и, конечно же, Российской Федерацией, а также влиянием «американского фактора».

Чрезвычайно полезным стало бы появление других систематизаций, поскольку взгляды на главное и на конечный продукт всегда будут отличаться и дополнять друг друга. Число работ обобщающего характера должно, по мнению автора, постоянно увеличиваться, поскольку они закладывают основу для успешной кооперации, продуктивного диалога между исследователями, развивают новое направление в политологии – политологографию (производное от привычной историографии).

Расширение тематического спектра – это лишь одна из задач. К дополнительным задачам нужно отнести включение в сплошной фронтальный анализ монографий, диссертаций, статей, вышедших по данной проблематике как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в регионах.

Таким образом, «Проблемы трансформации европейской безопасности в работах российских политологов» – это первый шаг, предпринимаемый автором в политологографическом направлении.

С учётом отмеченного выше, *эмпирическую базу* исследования составляют статьи и материалы академических журналов «Современная Европа»⁵, «Мировая экономика и международные отношения»⁶, «Актуальные проблемы Европы»⁷, «Научно-аналитический вестник Института Европы РАН»⁸, издаваемые Институтом Европы РАН, Национальным исследовательским

⁵ URL: <http://sov-europe.ru/>.

⁶ URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo>.

⁷ URL: <https://upe-journal.ru/>.

⁸ URL: vestnikieran.instituteofeurope.ru.

институтом мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Институтом научной информации по общественным наукам РАН. Кроме академических журналов автор счёл необходимым включить в эмпирическую базу авторитетные университетские журналы: «Вестник МГИМО (У)»⁹, «Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир»¹⁰ и «Международные процессы»¹¹. Группу научных общественно-политических журналов представляет «Международная жизнь»¹². Таким образом, эмпирическая база данного исследования – статьи и материалы восьми российских журналов.

Формирование эмпирической базы проходило в три этапа:

- *на первом этапе* в результате сплошной выборки были выявлены статьи, которые могли бы оказать помощь в реализации заявленной цели: данная выборка составила 427 статей;
- *на втором этапе*, после прочтения статей из первичной выборки, были отобраны 215 статей;
- *на третьем этапе*, после анализа отобранных на втором этапе статей, на их основе была проведена систематизация, результатом которой стала данная работа; итоговое количество статей, на которые даны ссылки, составило 115.

Автор посчитал неправильным учитывать в выборках и последующем анализе собственные работы, в том числе написанные в соавторстве. Не были сделаны различия между статьями начинающих и маститых учёных.

Хронологические рамки работы также ограничены. В ней представлены статьи и материалы, вышедшие в период с апреля 2014 по март 2020 г. Автор исходит из того, что для первичной систематизации вышеуказанный период по вполне понятным причинам является наиболее интересным.

Работа не предназначена для широкого круга читателей. Она будет полезна магистрантам, аспирантам и исследователям, занимающимся проблемами европейской безопасности.

Автор убеждён, что изучение политологических работ дол-

⁹ URL: <https://vestnik.mgimo.ru/>.

¹⁰ URL: <https://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-diplomaticheskoy-akademii-mid-rossii-rossiya-i-mir/>.

¹¹ URL: <http://www.intertrends.ru/>.

¹² URL: <https://interaffairs.ru/virtualread/lang/rus>.

жно стать самостоятельным и активно развивающимся научным направлением.

ГЛАВА 1. КАК ОПРЕДЕЛЯТЬ ЕВРОПЕЙСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ?

На данный вопрос ответить сложно. Поэтому придётся свыкнуться с мыслью, что унифицированного определения наверняка не будет ещё долгое время. Крайними точками научного дискурса являются признание того, что «европейская безопасность – это часть общемировой системы безопасности», и утверждение, что она представляет собой лишь «совокупность особых факторов и процессов», происходящих на национальном и межрегиональном уровнях в конкретном регионе мира.

В последнем случае придётся убедиться в том, что и применительно к национальной безопасности, как отмечал А.В. Копылов, «после введения термина... в научный оборот наблюдалась тенденция неуклонного расширения его содержания»¹³. К тому же наряду с военной составляющей всегда присутствуют и невоенные аспекты.

Наиболее распространено понимание национальной безопасности как успешное отстаивание национальных интересов. Проблема, однако, состоит в том, что до конца не ясно, как национальные интересы формируются, как изменяются и насколько они должны и могут быть постоянны. Впрочем, используется и другое определение: национальная безопасность – это ответ на «угрозы» и сохранение «ценностей». Тогда результатом защиты национальной безопасности должны стать отсутствие и недопущение (предотвращение) угроз.

Любопытное определение приводит А.В. Копылов из «Словаря военных и сопутствующих терминов Министерства обороны США»: «Национальная безопасность, – значит там, – собирательный термин, охватывающий как национальную оборону, так и внешнюю политику США. Национальная безопасность

¹³ Копылов А.В. О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир (далее – Вестник Дипакадемии). 2015. №2. С. 36.

обеспечивается: а) военным или оборонным преимуществом над любым иностранным государством или группой государств; б) благоприятным международным положением; в) состоянием обороны, способной оказать успешное сопротивление враждебным или деструктивным действиям, внутренним и внешним, открытым и тайным»¹⁴.

Простой перенос данного содержания на европейский уровень затруднён, по меньшей мере, по двум причинам:

- «военное или оборонное преимущество» не может быть абстрактным – необходимы конкретные ориентиры, противники и (или) конкуренты, чтобы можно было установить, достигается или уже достигнуто преимущество¹⁵;

- международное положение является благоприятным, если оно предоставляет возможность развивать собственный потенциал или хотя бы не оказывает ощутимых препятствий его развитию, что в свою очередь предполагает не только общие долгосрочные цели, но и совместное активное сдерживание противников и (или) конкурентов, провоцирует (при наличии разных подходов государств – членов ЕС и степени их (не)включённости в НАТО) конфронтацию, а также новые проблемы и конфликты.

Да и угрозы бывают разными. «Первая группа, – представляет С.Р. Цырендоржиев одну из классификаций, – состоит из возможных угроз разрушения, девальвации, дезинтеграции, отчуждения существующих национальных общностей, атрибутов нации – культуры, самосознания, языка, психического склада, территории, экономики, государственной власти. Во вторую группу, – продолжает он, – можно включить угрозы дезорганизации, разрушения, девальвации социального капитала нации, то есть её психологическому и организационному капиталу... Третью группу, – дополняет С.Р. Цырендоржиев, – составляют угрозы национальному богатству, то есть угрозы разрушения,

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ В этой части европейская безопасность для европейских партнёров и союзников США сводится к НАТО, так как в настоящее время «военное или оборонное преимущество» ЕС не может рассматриваться в качестве серьёзной опции.

потери (захвата, отчуждения) его элементов: природного богатства, национального имущества и демографического богатства нации»¹⁶.

Из классификации С.Р. Цырендоржиева следует, что военные угрозы – это лишь одна из групп, поэтому наращивание исключительно военных средств ликвидации угроз может быть недостаточным. Комплексный подход к борьбе с тремя группами угроз на европейском уровне пока труднодостижим.

Использование силы, если обратиться к С.Р. Цырендоржиеву, также не способно дать ожидаемый эффект. «Первое направление, – констатирует он, – *воздействие на источник военной угрозы*, то есть на возникшие или существовавшие прежде противоречия... Второе направление – *воздействие на политику носителей сложившегося противоречия* того или иного вида. Здесь также, – утверждает он, – возможно применение силовых мероприятий путём демонстрации тем или иным способом военной силы в регионах возникновения конфликтов с целью убеждения противника в бесперспективности проведения им своей политики»¹⁷.

Открытыми остаются вопросы:

– как «воздействие на источник военной угрозы» и «воздействие на политику носителей сложившегося противоречия» без принятия дополнительных, в том числе и невоенных, мер способны воспрепятствовать той же «девальвации социального капитала нации»;

– что первично: «воздействие на источник военной силы» или национальное сплочение;

– возможно ли привести оба процесса к общему знаменателю в демократических обществах;

– как непрерывно управлять этими процессами, чтобы международное положение страны оставалось благоприятным, а воздействие внешних факторов не мешало управлению и развитию;

– как должно осуществляться управление в период разба-

¹⁶ Цырендоржиев С.Р. К вопросу о сущности военных угроз и невоенных мер их парирования // Вестник МГИМО (У). 2015. №2. С. 143-144.

¹⁷ Там же. С. 146-147.

лансировки и неопределённости международных отношений (см. 2.1);

– как соотносятся национальное управление, интеграционные структуры и глобальное управление.

Конечно, формула «интеграция интеграций» крайне привлекательна, но она не заработает, пока не будут даны совместные ответы на связанные с ней вопросы.

Ситуация ещё больше запутывается, если принять в расчёт другое содержательное наполнение угроз. «В качестве источников угроз, – считают И.А. Истомина, И.В. Болгова, А.А. Сушенцов и О.И. Ребро, – теперь рассматриваются деградация государственных институтов, этнические и межконфессиональные конфликты, социально-экономические трудности. Механизмами переноса нестабильности выступили миграционные потоки, радикальные идеологии, террористические группировки и организованная преступность. Авторитарные режимы относительно слабых стран начали ассоциироваться с распространением оружия массового уничтожения и поддержкой деструктивных сил. В результате эти «государства-изгои» позиционируются в качестве главных агентов транснационализации угроз»¹⁸.

То, о чём написали И.А. Истомина, И.В. Болгова, А.А. Сушенцов, О.И. Ребро – это перечень угроз периода трансформации (см. 2.1). На его основе интересно было бы поразмышлять над тем, вытесняют ли угрозы переходного периода угрозы безопасности в варианте, представленном С.Р. Цырендоржиевым.

Но и после этого дискуссионные вопросы не закончатся, поскольку исследователям ещё предстоит решить, как осмысли-

¹⁸ Истомина И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения* (далее – МЭиМО). 2020. №1. С. 30. К.С. Гаджиев расставляет акценты иначе. «Безопасность распалась на мозаику постоянно меняющихся конфликтов и войн, возникающих неожиданно чуть ли не повсюду, – пишет он. – В результате оказывается проблематичной чёткая и недвусмысленная идентификация источников угроз, их ассоциация с конкретной страной или группой стран» (Гаджиев К.С. Сверхдержавность: уходящий феномен XXI века? // *Международная жизнь*. 2017. №9. С. 81). См. также по восприятию угроз в США: Иванов О.П., Копылов А.В. Современные военно-политические концепции США: вперёд в прошлое // *Вестник Дипакадемии*. 2015. №4. С. 35-50 (по угрозам – с. 43-45, 48).

вать сопровождающие безопасность феномены. Назовём некоторые из них.

1. *Соперничество* («Даже если государства не воюют, они могут соперничать»¹⁹).

2. *Традиция* (по-иному – «геополитическая традиция»). И.А. Истомин, Н.Ю. Силаев и А.А. Сушенцов указывают на то, что «континентальные державы на протяжении истории сталкиваются с вызовами, обусловленными открытостью их территории к нападению с множества сторон. В этих условиях их центральной задачей выступает сокращение угроз, исходящих с территории непосредственных соседей. Альянсы с удалёнными партнёрами выступают дополнительной опцией в их политике»²⁰.

3. *Сила*. Н.В. Юдин пишет о двух основных подходах: «Первый из них, – утверждает он, – атрибутивный (ресурсо-ориентированный), который предполагает наделение феномена “силы” самостоятельным субстанциальным статусом, когда сила воспринимается как неотъемлемый атрибут любого актора»; «[в]торой подход – бихевиористский. Он отрицает самостоятельный субстанциальный статус силы: она рассматривается... как особый вид социальных отношений, возникающих между субъектом и объектом»²¹. Суть постмодернистского подхода Н.В. Юдин передаёт иначе: «Вместо поиска ответов на вопросы, кто обладает (большей) силой; каким образом/с какой вероятностью/в какой области субъект А может изменить поведение объекта В и так далее, постмодернисты выдвигают на первый план совершенно иные вопросы: каким образом силовые механизмы определяют, что является (не)возможным, естественным и нормальным»²².

¹⁹ Миронюк М.Г., Толочнев К.А., Мальцев А.М. Военная мощь в мировой политике для победы в войне, для предотвращения войны и (или) для обретения статуса? // Международные процессы. 2018. №2. С. 32.

²⁰ Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. №4. С. 58.

²¹ Юдин Н.В. Трёхчастная таксономия исследований силы в теории международных отношений // МЭиМО. 2019. №4. С. 73.

²² Там же. С. 72. См. статью О.Г. Карповича, который в контексте силы и её направленности полагает, что «современные международные конфликты и кризисы оставляют ведущим мировым лидерам, осуществляющим миротвор-

4. *Учёт силового потенциала*: «Влияние силового потенциала на статус государства не тождественно чистой военной мощи как способности победить противника. В настоящее время прямое применение инструментов силового принуждения ограничено международным правом и угрозой ядерного конфликта... цена военного решения традиционных конфликтов, например, территориальных споров, оказывается слишком велика, чтобы решать их преимущественно силовым путём»²³, – устанавливают М.Г. Миронюк, К.А. Толокнев и А.М. Мальцев.

5. *Взаимное влияние*²⁴.

6. *Классификация акторов и её пересмотр*. Один из возможных вариантов звучит так: «выделяются три игрока, наличная

ческую деятельность, всё меньше возможностей для применения сугубо военных решений» (Карпович О.Г. Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира // *Международная жизнь*. 2014. №5. С. 92). См. также Э.Г. Соловьева: «Под силой понимается совокупная мощь отдельных субъектов международных отношений – экономическая, демографическая, информационная, культурная, военная – и способность применить её против своих оппонентов. Изменение баланса сил в глобальном или региональном масштабе с неизбежностью влечёт за собой попытки пересмотра норм и правил поведения на мировой арене. В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее – “мощь” государств или “бумага” как некий набор кодексов и правил поведения, – решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой. Очередная попытка преодолеть анархичность среды в глобальном масштабе и сделать её гораздо более предсказуемой и управляемой явно не увенчалась успехом» (Соловьев Э.Г. Возвращение истории: конец эпохи либерализма? // *Международная жизнь*. 2015. №12. С. 73).

²³ Миронюк М.Г., Толокнев К.А., Мальцев А.М. Указ. соч. С. 33.

²⁴ См. одно из мнений по этому поводу: «В перспективе существует риск появления на планетарном пространстве новых военно-политических союзов, обладающих коалиционными ядерными силами, что представляет определённую опасность мировому сообществу... Такая ядерная геополитика сплачивает страны вокруг прикрывающего (имеющего “ядерный зонтик”) государства. В результате неядерные страны вовлекаются в ядерную зависимость от ядерной страны. Указанные процессы и взаимозависимости представляют собой не что иное, как глобализацию в ядерной сфере... отдельные государства с ядерным оружием и ядерными технологиями образовали в XXI веке качественно новую международную систему – геополитическую систему ядернозависимых государств с присущими ей такими системными свойствами, как, например, стабильность, устойчивость и безопасность, а также наличие общих для всех стран ядерных вызовов, опасностей и угроз» (Анненков В.И., Кононов Л.А. Ядерный мир как феномен процесса глобализации // *Международная жизнь*. 2014. №4. С. 4).

военная сила которых разительно отличается от военных потенциалов всех прочих государств... имеется группа стран, которую можно охарактеризовать как рядовых обладателей значительных конвенциональных возможностей. В неё входят как европейские союзники США, ранее находившиеся на передовой “холодной войны” и не успевшие к 2005 году провести глубокое сокращение вооружённых сил (Нидерланды, Франция, Испания, Италия, Германия, Великобритания), так и государства, активно вовлечённые в конфликты или соперничество с соседями (Турция, Греция, Израиль, Пакистан, Республика Корея, Индия, Сирия, Египет, Япония). Это подтверждает гипотезу о том, что государства, пребывающие в сходных условиях, стремятся нарастить сходные компоненты военной мощи²⁵.

Таким образом, при определении европейской безопасности исследователям придётся рассчитывать на авторские интерпретации, часть из которых, вне сомнения, будет носить собирательный характер, но со временем начнёт появляться общее понимание основополагающих критериев, феноменов, процессов, благодаря чему, хочется надеяться, постепенно сформируется политологический консенсус.

Опасность длительного индивидуального поиска состоит в том, что научный дискурс либо будет развиваться автономно, вне дипломатии и политической реальности, не оказывая на них воздействия, либо, подпав под влияние дипломатической практики, потеряет самостоятельность и станет транслировать дипломатические и договорные формулы.

В первом случае можно, не достигнув объединяющего большинство коллег понимания, впасть в излишнюю теоретизацию; во втором – отказаться от самостоятельности. Обе крайности нежелательны. Какой путь будет выбран – решение не только отдельных учёных, но и политологического сообщества. Имеющиеся в данном проблемном комплексе дискуссионные вопросы, а их количество при желании легко расширить, всё равно предстоит решать исключительно в ходе совместных обсуждений.

В связи с этим очевидна цель, стоящая перед политологами, – достичь общего понимания европейской безопасности, по-

²⁵ Миронюк М.Г., Толочнев К.А., Мальцев А.М. Указ. соч. С. 35.

скольку только оно гарантирует появление перспективных практических подходов к (раз)решению проблем. Различные национальные интерпретации могут усилить разногласия между странами.

Для формирования концепций А.П. Цыганков и П.А. Цыганков предлагают три группы вопросов, которые, несмотря на широту постановки, применимы после небольшой доработки и к европейской безопасности: «*Первая* (здесь и далее в цитате курсив наш – А.С.)... касается международной системы, её происхождения, типа, правил и пределов функционирования. *Вторая*... связана с осмыслением политической конфигурации международных субъектов, лидеров, систем альянсов, пределов и возможностей их самоутверждения в мире... [*Третья группа* включает в себя вопросы, которые позволяют понять ареал и характер интересов и ценностей национального сообщества, а также стратегию его развития и безопасности в мире»²⁶.

Что касается крайних точек, о которых шла речь в начале главы, то при рассмотрении европейской безопасности в качестве части общемировой системы теряется её специфика, и ослабляется акторный ракурс. Если же верна интерпретация европейской системы как «совокупности особых факторов и процессов», то перед исследователями возникает трудная задача систематизации национальных особенностей.

При наличии национального, наднационального, межгосударственного и международного уровней инертное движение по пути так называемых простых истин (к примеру, «безопасность – сохранение мира») малопродуктивно.

Помощь в выходе из методологических затруднений может оказать гипотеза, согласно которой европейская безопасность – это одновременно производная от состояния мировой системы (см. главу 2); самостоятельный процесс (см. главу 3); политика отдельных государств (см. главу 5) и варианты межгосударственного сотрудничества (см. главу 6). Но и в этом случае задачи соотношения, влияния разных уровней и последующей систематизации полученных знаний останутся в повестке дня политологов.

²⁶ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений... С. 10.

ГЛАВА 2. СИСТЕМНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Если понимать европейскую безопасность как производную от состояния общемировой системы, имеющих в ней проблем и процессов, то предстоит исходить из того, что вызовы, стоящие перед европейской безопасностью, и связанные с ними проблемы, обуславливаются процессами системы.

2.1. Основные тенденции

Текущий этап трансформации международной системы и мировой политики большинством исследователей воспринимается как нестабильный, или неопределённый. М.В. Стрежнева отмечает, что «[г]лавной долговременной структурной особенностью мировой политики... стала высокая мера неопределённости в отношении формирующегося международного порядка»²⁷.

Применительно к практике принятия решений и региональному фактору А.А. Громько полагал, что «мировая политика... очутилась в состоянии опасной разбалансировки... В мировых делах усиливается роль разных регионов, у них свой путь развития и модернизации, свои концепции мирового порядка»²⁸.

Причины и природа нестабильности описываются по-разному. В.Г. Барановский указывает на нарушение закономерного хода эволюции: как правило, «[н]овая международная система, – пишет он, – рождается после крупных военных потрясений в результате договорённостей между главными действующими лицами», а особенностью современного периода стало, по его мнению, «разрешение конкретных проблем на основе *ad hoc*, но без какого-либо общего плана, без достижения консенсуса, без соблюдения взаимоприемлемого баланса интересов», в результате чего «начинает господствовать модель “игры без правил”»²⁹.

Схожий вывод, но с иным акцентом, звучит у М.А. Неймар-

²⁷ Стрежнева М.В. Субъектность Евросоюза в отражении организационной теории // Международные процессы. 2016. №1. С. 64.

²⁸ Громько А.А. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. №1. С. 34, 37.

²⁹ Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // МЭиМО. 2019. №5. С. 8, 10.

ка: «Консенсусный вектор внешнеполитических взаимодействий размывается. В условиях *кризиса либеральной модели мироустройства* (курсив наш – А.С.) достижение сбалансированных позиций на международных площадках разного уровня становится всё более трудоёмким, затяжным процессом и всё чаще менее результативным»³⁰.

К.С. Гаджиев исходит из перманентных системных противоречий и сложностей. «Мировую авансцену, – констатирует он, – можно рассматривать как своего рода грандиозный рынок – где сталкиваются мириады субъектов в лице народов, народностей, этносов, племён, разнообразных сообществ, институтов, организаций, движений, корпораций, отдельно взятых индивидов и т.д. Естественно, каждый из этих субъектов преследует собственные интересы, которые не всегда совпадают с интересами других членов мирового сообщества. Здесь противоречия, конкуренция, конфликты, войны являются одним из проявлений *естественного* (курсив наш – А.С.) поведения субъектов мировой политики»³¹.

С этим, по всей видимости, согласен А.Д. Богатуров, для которого противоречия также имеют естественный характер. Правда, объясняет он их новыми факторами, усиливающими «размывание» системы³². Один из таких факторов – суверенизация³³.

³⁰ Неймарк М.А. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. 2018. №1. С. 28.

³¹ Гаджиев К.С. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // МЭиМО. 2019. №8. С. 110.

³² Богатуров А.Д. Процессы мира и войны // Международные процессы. 2016. №3. С. 34.

³³ Там же. См. дополнительно Э.Г. Соловьева о вызовах, возникающих перед суверенитетом: «требования интернационализации дефицитных ресурсов; усиление международных режимов; расширение транснациональных политических пространств; формирование глобального информационного пространства; глобальные экологические и климатические императивы» (Соловьев Э.Г. Суверенитет в рамках полицентричного миропорядка: возвращение к истокам // Международная жизнь. 2014. №6. С. 109). Ср. с точкой зрения заместителя министра иностранных дел РФ С.А. Рябкова о разных вариантах суверенитета: «США суверенитет в полном объёме признают только за собой. Остальные должны либо сами ограничивать свой собственный суверенитет и взаимодействовать с США на американских условиях, либо у них будут проблемы. Это фундаментальное ограничение возможности как-то по-другому взглянуть на мир – трагедия» (Рябков С.А. Только национальный интерес мо-

М.В. Стрежнева в логике дальнейшего роста противоречий называет полицентричность³⁴.

Если полицентричность интерпретировать не только через множество центров, «рассредоточение мирового потенциала сил и развития... геометри[ю] двусторонних и многосторонних альянсов»³⁵, но и через поиск некой субстанциионной основы, то «[н]ынешний [трансформационный] конфликт, с точки зрения М.В. Братерского, возник по вопросу о том, как будет формироваться система глобального управления в многополярном мире, какие государства и корпорации будут допущены до участия в нём и на каких условиях. Ещё один вопрос – какое место в системе управления останется за национальными государствами и какое место займут глобальные институты»³⁶.

М.М. Лебедева предлагает учитывать мегатренды («глобализацию, интеграцию и демократизацию») и диалектику их влияния на международную среду, поскольку «глобализация, с одной стороны, влечёт за собой хаотизацию Вестфальской си-

жет быть движущей силой внешней политики // *Международная жизнь*. 2014. №8. С. 5-6).

³⁴ Стрежнева М.В. Указ. соч. С. 64. О полицентричности см. также К.С. Гаджиева: «полицентрический миропорядок следует рассматривать не как некий замкнутый, раз и навсегда данный статический феномен. Это – незавершённая, открытая по всем направлениям и для всех влияний, неопределённая, постоянно изменяющаяся структура. Возрастает свобода действий если не всех, то большинства акторов, в силу чего они вынуждены играть одновременно в несколько игр. Порядок и хаос, определённость и неопределённость, противоречия, конфликты и сотрудничество, насилие, угроза применения силы, терроризм и международные санкции становятся неотъемлемыми составляющими нового полицентрического миропорядка» (Гаджиев К.С. Сверхдержавность... С. 83). О.Г. Карлович выводит «глобальные проблемы международных отношений» ситуационно из трёх конкретных факторов: «нарастающей хаотизаци[и] международных отношений, тесно смыкающейся с “цветными революциями” на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а с недавнего времени – и в Украине; – международны[х] конфликт[ов], которые ООН разрешить не в состоянии; – борьб[ы] с сетевыми формами международного терроризма и афганским наркотрафиком, являющим[ися] одновременно и источником ресурсов для террористических организаций, и фактором, который США активно используют для ослабления своего стратегического конкурента – набирающего мощь Европейского союза» (Карлович О.Г. Указ. соч. С. 90).

³⁵ Неймарк М.А. Указ. соч. С. 29.

³⁶ Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. №1. С. 29.

стемы, с другой – [происходит] выстраивание и упорядочивание сетевых связей»³⁷.

Ал.А. Громыко считает необходимым тщательнее дифференцировать происходящие в мире процессы, потому что «[с]охраняются фрагменты Ялтинско-Потсдамской системы, ставшие универсальными, в первую очередь ООН, и фрагменты системы однополярного мира, над которыми теперь надстраиваются этажи полицентризма», а глобализация «одновременно сузила... возможности («мировых игроков» – А.С.)... и предложила дополнительный потенциал для навязывания своих интересов»³⁸. Ведь «благодаря глобализации, – подчёркивает Ал.А. Громыко, – возникла полицентричная среда, сопротивляемость которой устремлениям к доминированию кого бы то ни было высока как никогда, даже по сравнению с биполярным миром»³⁹.

А.С. Скриба и С.В. Тихонов обращают внимание на то, что «хаос наступил не везде, так как усложнение системы международных соглашений означает, что большая часть технических вопросов регулируется соглашениями, которые продолжают действовать... Опираясь на них и привлекая всех заинтересованных участников международных отношений, – оптимистич-

³⁷ Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // МЭиМО. 2019. №9. С. 34. Л.Н. Клепацкий предлагает учитывать деглобализацию. «Деглобализация, – констатирует он, – имеет многоаспектное измерение. Она выражается в постепенном ослаблении экономических позиций западного сообщества, уменьшении роли доллара в качестве основной валюты мира, появлении новых платёжных систем. В целом этот процесс развивается по двум каналам: формирование азиатских центров экономического роста, рождение новых финансовых и регулирующих институтов, функционирующих параллельно с существующими международными структурами... и создание компромиссных структур типа “Группы двадцати”... Деглобализация означает возвращение к ситуации, когда национальное государство несёт ответственность за состояние дел в пределах своей территории и в отношениях с другими членами международного сообщества. Перед западным сообществом возникает дилемма: или следовать политике своего моноцентризма в мире, навязывая международному сообществу свои правила жизни и ценности, или пойти дорогой поиска нового баланса интересов в международных отношениях» (Клепацкий Л.Н. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. 2015. №8. С. 43).

³⁸ Громыко Ал.А. Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. 2016. №4. С. 8, 10.

³⁹ Там же. С. 10.

но замечают авторы, – возможно трансформировать Вестфальскую систему. Но необходимо, – продолжают они, – *завершить создание хотя бы контурного рисунка мировой системы* (курсив наш – А.С.)... невозможно договариваться о будущем международной системы в узком кругу за закрытыми дверями, необходима комплексная дискуссия на этот счет»⁴⁰.

В контексте обретения подобного контура важен вывод, сделанный Н.Б. Кондратьевой: «Мир, – пишет она, – завершился переход от эпохи конкуренции стран к эпохе конкуренции экономических моделей. Переговоры о партнёрстве центров экономической силы служат способом продвижения конкурентных преимуществ таких моделей, но одновременно сопряжены с риском их утраты»⁴¹.

Наверняка именно по этой причине, с точки зрения М.В. Братерского, «на первый план вышли методы экономической борьбы, технологических ограничений, информационной войны, вмешательства во внутренние политические процессы»⁴².

М.А. Неймарк выводит кризис миропорядка из кризиса либеральной модели, «[п]отенциал... саморегулирования [которой]... [в его представлении] уже исчерпан»⁴³: «Либеральная модель, – аргументирует он, – это проект интернационализированных западных политических элит, исходно встроенный в процесс глобализации и ставший её неотъемлемой частью... Доктрина «либеральной интервенции» под предлогом соблюдения западных стандартов демократии и прав человека на практике оборачивается либо прямым вмешательством во внутренние дела государств, либо – в более мягком варианте – завуалированной попыткой их контролировать»⁴⁴. Брекзит и фактор Трампа, «образу[я] новые проблемные поля мировой политики», по его мнению, лишь подтверждают глубину «всеобъем-

⁴⁰ Скриба А.С., Тихонов С.В. Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 101.

⁴¹ Кондратьева Н.Б. Трансатлантическое партнёрство ЕС-США: перспективы // МЭиМО. 2017. №8. С. 12.

⁴² Братерский М.В. Указ. соч. С. 29.

⁴³ Неймарк М.А. Указ. соч. С. 27.

⁴⁴ Там же. С. 26-27.

лющ[ей] совокупност[и] кризисов, интернационализация которых стала знаковой приметой международной жизни»⁴⁵.

Ал.А. Громько предлагает рассматривать «эрозию либерального политического истеблишмента» глубже – «в русле стратегической расстыковки США и их европейских союзников» с «отступление[м] западноцентричного мирового порядка и обслуживающего его политического неолиберализма, который в своей части вырождается в пропаганду, в том числе псевдонаучную»⁴⁶.

Он, как и М.А. Неймарк, считает, что «[в] кризисе, в первую очередь, оказалась либеральная идея, точнее её неолиберальная разновидность», а «[п]родвижение неолиберальных идей с конца 1990-х гг. стало сращиваться с силовыми методами изменения действительности, будь то концепции «гуманитарной интервенции», «смены режима» или «демократической революции»», благодаря чему «либерализм слился с правым консерватизмом (неоконсерватизмом), создав гремучую смесь, которая породила идею “либеральной военной интервенции”»⁴⁷.

Кстати, для М.А. Неймарка развивающаяся ситуация – «это ... не очередная циклическая трансформация в мировой политике, а её переломный переход в иное, пока ещё непредсказуемое состояние», в результате чего «[п]роисходит переформатирование движущих сил мирополитических изменений, модификаций и трансформаций. Меняется [за счёт тех же «негосударственных акторов»] само понятие субъектности в мировой политике»⁴⁸, наблюдается идеологическая борьба.

⁴⁵ Там же. С. 28.

⁴⁶ Громько Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма... С. 7, 17.

⁴⁷ Там же. С. 10.

⁴⁸ Неймарк М.А. Указ. соч. С. 28. М.М. Лебедева высказывает сомнение, «насколько целесообразно в современных условиях рассматривать конфигурацию только ведущих государств... не должна ли эта конфигурация быть дополнена другими государствами и некоторыми негосударственными акторами, определяющими тренды мирового политического развития?» (Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО (У). 2016. №2. С. 128). Ал.А. Громько же уточняет: «Теперь сверхдержав в прежнем смысле слова уже нет (у Соединённых Штатов сохраняются остаточные признаки сверхдержавности). Ушло в прошлое идеологизированное противостояние, искусственно снижавшее набор инструментов развития... В то же время исчезновение мира сверхдержав и полицентричная

Не стоит забывать о странах-лидерах, руководящих «конкуренцией моделей» и разработкой «региональных концепций». И если касательно иллюзорности однополярного мира исследовательский консенсус давно сформировался, то потенциальные возможности крупных держав в конкурентных партнёрстве или борьбе требуют дополнительных исследований⁴⁹.

А.Г. Арбатов объясняет ослабление США несбалансированной политикой страны и связанными с ней издержками: «В первые два десятилетия нового периода, – отмечает он, – США (зачастую при поддержке союзников) активно пытались сформировать однополярный миропорядок под своим руководством. Нередко это приносило большие издержки: в урегулировании локальных конфликтов (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия), в адаптации к новым условиям европейской безопасности (на основе непродуманного расширения НАТО и Евросоюза)»⁵⁰.

В отношении американского лидерства Т.А. Шакеина замечает: «пример государств-членов ЕС и НАТО (и им сочувствующих) показывает, что воинственный формат американской стратегии не вызывал, да и сейчас не вызывает у них прямого отторжения... это показатель того, что они привержены или имперскому, или вассальному мышлению в зависимости от статуса»⁵¹.

среда не отменяют сохранения категории ключевых государств» (Громыко Ал.А. Структуры соперничества и опыт истории... С. 10).

⁴⁹ См. ещё раз о полицентричности у Э.Г. Соловьева («подобные системы характеризуются наличием более широкого набора переменных и большей неопределённостью складывающихся и эволюционирующих в рамках полицентричного миропорядка балансов между ведущими центрами силы»; «*полицентричность асимметрична*» из-за «превосходств[а] Соединённых Штатов либо их уверенн[ого] лидерств[а] в целом ряде областей»: Соловьев Э.Г. Возвращение истории: конец эпохи либерализма?.. С. 70-71) и о «горизонтальной взаимозависимости» у К.С. Гаджиева («На смену характерной для биполярного миропорядка преимущественно иерархической взаимозависимости стран и народов постепенно приходят преимущественно горизонтальная взаимозависимость стран, диверсификация их внешнеполитического курса и соответствующие ей открытость и гибкость»: Гаджиев К.С. Сверхдержавность: уходящий феномен XXI века?.. С. 81).

⁵⁰ Арбатов А.Г. Контроль над ядерным оружием: конец истории? // МЭиМО. 2015. №5. С. 8.

⁵¹ Шакеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. №4. С. 11. А.Ю. Борисов убеждён в обратном: «Рано или

Однако помимо ограниченных возможностей отдельных стран и определённого типа мышления их элит «многие возникающие в мире проблемы, – констатирует Э.Я. Баталов, – не могут быть разрешены должным образом с помощью существующих... институтов, оказавшихся не способными выполнять возложенные на них функции»⁵². Проблема, по его мнению, состоит в том, что «институтов, которые могли бы обеспечить стабильность, безопасность и согласие в мире, пока не существует»⁵³.

Таким образом, переходный характер времени и наличие трансформационных процессов в международных отношениях не вызывают у исследователей сомнений. Что касается понимания сути и причин трансформации, то на основе вышеизложенного допустимы как минимум пять определений:

- трансформация – феномен, вызванный разбалансировкой прежней системы и изменениями, обеспечивающими привычное функционирование механизмов её воспроизводства (*феноменологическо-причинный подход*);
- трансформация – процесс, возникший из-за идейного кризиса (*причинный подход*);
- трансформация – создание новой (полицентричной) международной среды и сопровождающих её (мега)трендов (*результативный подход*);
- трансформация – определённая игра факторов (*процессуальный подход*); в этом случае требуется либо представить факторы в иерархичном порядке, либо выделить один системно-регулирующий фактор;
- трансформация – очередной (естественный) этап настрой-

поздно США грозит самоизоляция, если, конечно, не преувеличивать готовность ведущих европейских членов НАТО положить своё благополучие и безопасность на алтарь американских интересов. Совместная дипломатическая реакция ряда стран Евросоюза под давлением англосаксов на “дело Скрипалей” свидетельствует скорее об имитации атлантической солидарности, нежели о подлинном единстве» (Борисов А.Ю. Новая мировая система, или мир без гегемона // Международная жизнь. 2018. №7. С. 32).

⁵² Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. 2016. №1. С. 18.

⁵³ Там же.

ки системы (*исторический подход*); при конкретизации данного определения трансформация может интерпретироваться и как поиск варианта (глобального) управления системой, подразумевающего новую идейную основу.

Многообразие интерпретационной палитры приводит к тому, что чрезвычайно трудно зафиксировать содержание сопутствующих понятий, к примеру, интересующего нас понятия «трансформация европейской безопасности», потому что в феноменологическо-причинном подходе под трансформацией европейской безопасности следует прежде всего понимать нарушение стандартов работы системы. При этом отдельной исследовательской проблемой становится изучение стандартов и их эталонного характера.

В причинном подходе придётся ограничиться признанием того, что создание новых идейных основ должно способствовать большему успеху, а в результативном – не только вернуться к эталонности в виде той же полицентричности, но и объяснить влияние демократии как мегатренда на европейскую безопасность.

Относительно игры факторов трудностью будет не столько иерархизация, сколько соотнесение факторов, оказывающих одновременное воздействие на безопасность и на систему международных отношений, поскольку иначе придётся допустить разобщённость в функционировании обеих систем.

Из-за преобладания описательности исторический подход на первый взгляд кажется наиболее простым, но и в нём при обобщении предстоит столкнуться с некоторыми трудностями.

Получается, что работа только на системном уровне не позволяет исследователю быть полностью уверенным в соответствии сделанных им выводов действительности, трансформации европейской безопасности. Выводы скорее следует оценивать в качестве гипотез, импульсов для дальнейшей работы.

2.2. Главный вызов времени

Относительно такого вызова исследователи в целом едины. Речь, по их мнению, должна идти о налаживании системы (глобального и регионального) управления очередным этапом (циклом) развития международных отношений (в иной интерпрета-

ции – «построения нового мирового порядка»).

М.М. Лебедева предлагает учитывать двухфазовый характер цикла: «цикличность... в мировой политике, – пишет она, – представляет собой смену двух циклов (фаз): цикла эволюции (упорядочивания структур), когда новые структуры выстраиваются постепенно, и революционного цикла (фазы хаотизации) быстрых и качественных смен одних структур на другие. Обычно в период упорядочивания структур происходит подъём в развитии, а в фазы хаотизации – кризисы и спады»⁵⁴. Любопытно, что даже при хаотизации появляются «различны[е] формальны[е] и неформальны[е] структур[ы] – межправительственны[е] организаци[и], межгосударственны[е] «клуб[ы]», коалици[и], союз[ы], форум[ы]»⁵⁵, претендующие на выполнение нормативной и регулятивной функций.

«Вызов, который возникает сегодня перед участниками международной жизни, – размышляет в том же направлении В.Г. Барановский, – состоит в настройке глобальной сбалансированности системы в сочетании с поддержанием сложной и противоречивой динамики взаимоотношений внутри её региональных сегментов» относительно «становления новой конфигурации и баланса сил на глобальном и региональных уровнях» и «отношений «центр–периферия»»⁵⁶.

Т.А. Шаклеина понимает управление преимущественно через согласование действий крупных держав: «Важнейший вызов нашего времени, – подчёркивает она, – сформировать систему отношений между ведущими державами, которая будет обеспечивать стабильное мировое развитие без конфликтов и войн. Не менее важным остаётся экономическое развитие, которое давно «буксует» и не даёт гарантий бескризисного существования большинству стран, находящихся в рамках мировой долларовой системы»⁵⁷.

Исходя из вышеотмеченного, глобальное управление, по всей видимости, целесообразно анализировать в контексте со-

⁵⁴ Лебедева М.М. Указ. соч. С. 30. С выводом о цикличности, как было показано выше, не согласен М.А. Неймарк.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Барановский В.Г. Указ. соч. С. 16.

⁵⁷ Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок... С. 12.

гласования средств и подходов к управлению циклами.

«С распространением западной либеральной модели политического управления, – фиксирует М.В. Стрежнева взаимозависимость тематического спектра, идеологии и взаимодействия институтов, – межгосударственную кооперацию по обеспечению безопасности, экономического благосостояния и защиты окружающей среды стало реализовать легче. НАТО, ВТО и ЕС приняли в состав новых членов, а также перешли к более инвазивным, чем в предшествующие периоды, правилам в отношении государств. Они, – уточняет М.В. Стрежнева, – превратились в агентов глобального управления, которых нельзя рассматривать лишь как арену взаимодействия представителей государств. В данной связи международные объединения можно охарактеризовать как агентов глобального управления, которые инкорпорируют другие, более мелкие организации»⁵⁸.

Применительно к системе управления особую роль играет «комплексная взаимозависимость», которую М.В. Братерский интерпретирует на основе трёх особенностей: «1) возникновени[я] множества разноуровневых каналов коммуникаций между экономиками, обществами, правительствами и политическими сообществами разных стран; 2) исчезновени[я] соподчинённости разных вопросов – по своему влиянию на отношения между странами маловажные (в традиционном понимании) вопросы могут перевешивать те вопросы, которые в традиционной повестке дня считались центральными (вопросы военной безопасности, например); 3) возникновени[я] ограничений на применение военной силы»⁵⁹.

Любая взаимозависимость способна стать полноправной частью политической реальности только после согласования большинством общей цели, которую сначала необходимо зафиксировать, а затем регулярно (пере)проверять ее реализацию с помощью ключевых характеристик миропорядка. С точки зрения В.Г. Барановского, их три – «устойчивость, эффективность

⁵⁸ Стрежнева М.В. Указ. соч. С. 68.

⁵⁹ Братерский М.В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI веке // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 19.

и зрелость»⁶⁰. При этом «[з]алог устойчивости [заключается] в ...успешном функционировании [системы]. Важнейший показатель эффективности – способность адекватно отвечать на вызовы..., [а] признак зрелости – умение участников минимизировать те проблемы, которые разрешить не удаётся, удерживать себя от панических настроений на этой почве и нацеливаться на конструктивное взаимодействие для поддержания международной стабильности»⁶¹.

Любопытно, что в работах российских политологов наиболее эффективным средством преодоления нестабильности, управления циклами и связанными с ними сопутствующими вызовами, как правило, выступает не только традиционное сотрудничество, но и разнообразная и многоуровневая сеть интеграционных проектов⁶².

Интеграция, таким образом, не только усиливает взаимное влияние и наполняет содержанием «комплексную взаимозависимость», но и заставляет изменить известную политологическую аксиому на другую: теперь уже интегрированные государства не способны воевать друг с другом.

Политическим режимам не всегда приписывают главное значение. Неслучайно для Т.А. Шаклеиной в случае «объединени[я] усилий и порядкоформирующих политик» Россия и Китай «способны повлиять на поведение Америки»⁶³.

Схожим образом рассуждает и А.Д. Богатуров, для которого вовлечение Китая в более интенсивное сотрудничество должно привести к «международному обмену», большому «распространению информации». И наоборот: «[к]огда количество обмениваемой информации небольшое, кооперация наций остаётся спорадической»⁶⁴.

⁶⁰ Барановский В.Г. Указ. соч. С. 21.

⁶¹ Там же.

⁶² См. замечание Ал.А. Громыко: «Новейший тренд истории – мегаинтеграционные проекты, или интеграции интеграций» (Громыко Ал.А. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Современная Европа. 2015. №4. С. 9).

⁶³ Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. 2018. №1. С. 49.

⁶⁴ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 33.

В этом контексте важен тезис Ал.А. Громыко о том, что «ряд крупных международных игроков не имеют иной альтернативы, кроме как укреплять свои собственные позиции в качестве автономных центров силы и влияния»⁶⁵.

Однако открытыми в научном дискурсе остаются вопросы, касающиеся (воз)действия на данном этапе трансформации ранее известных закономерностей, например: «государства, пребывающие в сходных условиях, стремятся нарастить сходные компоненты военной мощи»; «[д]илемма безопасности не всегда воспринимается сторонами одинаково. Интенсивность опасений государств относительно угроз своего выживания варьирует»⁶⁶.

Признание в исследовательском дискурсе естественности трансформации (см. 2.1.) обуславливает признание цикличности развития, поскольку в противном случае любые системные изменения должны интерпретироваться не как закономерный и подлежащий управлению процесс, а как спонтанное проявление суммы сложившихся в тот или иной период сил и констелляций, контроль над которыми фактически невозможен. Естественность порядка была бы заменена естественностью хаоса.

Продолжение цепочки рассуждений предполагает выделение основного вызова времени, благодаря успешному (раз)решению которого система призвана стать более управляемой, появляется возможность уйти от пустых деклараций и согласовать действительно объединяющую большинство (значимых) акторов повестку дня, добиться баланса и (или) «настройки глобальной сбалансированности», интегрировать интеграции.

В связи с этим принципиально важно не допустить дальнейшего скатывания в нестабильность. Именно поэтому большинство исследователей призывают отойти от неопределённости, перейти к более-менее унифицированному пониманию целей и инструментов.

Особенностью политологических интерпретаций становится, с одной стороны, осознание основного вызова времени, его

⁶⁵ Громыко Ал.А. Структуры соперничества и опыт истории... С. 13-14.

⁶⁶ Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе // Международные процессы. 2019. №3. С. 52.

максимально чёткое выделение и последующая разработка инструментов, необходимых для устранения находящихся на его пути трудностей; с другой – неясность того, с участием каких игроков предстоит работать в этом направлении, что в итоге грозит неуправляемой трансформацией и параллельным сохранением «фрагмент[ов] Ялтинско-Потсдамской системы... системы однополярного мира», утверждением полицентричности в качестве дополнительного элемента усложнения и хаотизации действующего состояния, о чём предупреждает М.В. Стрежнева.

Большинство авторов склонны сделать ставку на способность политических элит взять ситуацию под контроль, хотя и не исключают затягивания цикла некоординируемой трансформации.

Сложность состоит в том, что международная система рискует стать излишне иерархичной – с сотрудничеством или конкуренцией значимых акторов. Последнее может создать временный и непрочный баланс, усилить асимметрию и не позволить завершить цикл полностью.

С точки зрения безопасности современное состояние системы (цикла) оправдывает неуклонное наращивание военного потенциала, допускает его превращение в фактор, затрудняющий успешное утверждение и функционирование устойчивой полицентричности, формирование «комплексной взаимозависимости».

Для европейского сегмента имеются и другие угрозы, связанные с невозможностью стран в спокойном темпе совершенствовать собственные общественно-политические, экономические, социальные и культурные стандарты, что заставляет усомниться в оптимизме М.А. Неймарка: «Не приходится сомневаться лишь в том, что рациональной и эффективной моделью нового миропорядка не может стать ни что иное, как полицентричный мир с неизбежными элементами асимметрии при сохранении стержневой координирующей роли ООН»⁶⁷.

* * *

Как изучение системного уровня международных отноше-

⁶⁷ Неймарк М.А. Указ. соч. С. 30.

ний связано с изучением проблем трансформации европейской безопасности?

Во-первых, без понимания процессов, происходящих в системе международных отношений, не удастся сформулировать ясное представление о трансформационном феномене. При этом следует учитывать, что содержательное направление трансформации зависит от конкретного этапа цикла (см. 2.2.).

Во-вторых, определение «трансформация европейской безопасности» является производным от дефиниции трансформации в широком смысле. Если трансформация, к примеру, воспринимается исключительно как кризис идей, то и проблемы европейской безопасности придётся анализировать прежде всего через идейный комплекс подходов к безопасности. Реализация выбранной исследовательской программы, таким образом, напрямую зависит от предварительной проработки понятий. Иначе исследование будет напоминать набор оригинальных, но слабых с точки зрения системы оценок и выводов.

В-третьих, для выделения и изучения проблем европейской безопасности принципиальны следующие вопросы: «Какой вызов считать основным для системы международных отношений?», «Кто такие ведущие акторы и какую роль они играют?», «Какие факторы оказывают наиболее значимое влияние?», «Как они взаимосвязаны?».

Кроме того, система имеет внешние и внутренние рамки. Если с первыми всё более-менее ясно, то внутренние рамки – это результат применяемых принципов и подходов (так называемая *среда*, см. 3.1.), изменение которых подчас затруднительно.

ГЛАВА 3. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ВНУТРЕННИЕ РАМКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Помимо изучения системных процессов для понимания проблем европейской безопасности особое значение имеет наднациональный уровень, характеризующийся неоднородным составом участников, отличиями в их историческом опыте и интересах. В связи с этим имеет смысл говорить о внутренней рамке,

которую одновременно можно определить в качестве ограничителя и дополнительного стимула.

При этом важно выбрать объединяющие линии анализа. «Любой крупный игрок в международных отношениях, – констатирует Ал.А. Громыко, – претендует, по крайней мере, на три вещи: ... на способность к созданию главных трендов современности... на понимание внешней среды, которой этот игрок окружён;... на способность к вычленению главных вызовов и угроз, на выстраивание их в порядке приоритетности;... он составляет для себя приоритеты и вырабатывает механизмы по реагированию на наиболее сильные внешние раздражители»⁶⁸.

Является ли Евросоюз «крупным игроком» и будет ли его внутренняя рамка способствовать «созданию трендов современности» применительно к интересующему нас предмету?

3.1. Европейский союз: состояние и перспективы

Евросоюз часто называют уникальным интеграционным объединением. Ал.А. Громыко обосновывает его уникальность через отход от межгосударственности: «Почти все примеры региональных интеграций, – пишет он, – представляют собой объединения, в которых принцип межгосударственных отношений доминирует. Существует лишь одно исключение – Европейский союз... Уникальность западноевропейской модели проявилась в целом ряде обстоятельств... это *среда* (курсив наш – А.С.) политического мышления и политической философии, созданная исторической атмосферой двух мировых войн... условия холодной войны и биполярного мира... наличие полицентричного и достаточно равновесного ядра интеграции в лице шести государств-основателей... возможности для расширения»⁶⁹.

Соединение интеллектуальной среды, послевоенной традиции и потенциала развития позволяет интерпретировать интеграцию как сложный процесс раскрытия европейской полицентричности, в котором наряду с политиками активно участвуют интеллектуалы, а значит можно предположить, что успех зави-

⁶⁸ Громыко Ал.А. О стратегическом мышлении // Современная Европа. 2016. №2. С. 6-7.

⁶⁹ Громыко Ал.А. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции) // Современная Европа. 2017. №2. С. 7.

сит в том числе и от непрерывного диалога элит. Мысль кажется простой лишь на первый взгляд, ведь до сих пор (вне контекста лоббирования) не исследованы ни механизмы диалога, ни пределы взаимного влияния и трансфера идей. Последнее же принципиально для воспроизводства западной модели в современном мире. Указание на «полицентричность ядра интеграции» интересно, поскольку допустима гипотеза, согласно которой полицентричность интеграционного объединения (внутренней среды) и полицентричность международных отношений (внешней среды) могут как поддерживать, так и создавать трудности для системы международных отношений в целом.

М.В. Братерский описывает ЕС, с одной стороны, как «нормативную *державу* (курсив наш. – А.С.)», потому что тот «[в] результате своей экономической привлекательности... оказывается в положении, когда... может навязывать... нормы и правила зарубежным странам»; с другой стороны – как объединение, которое из-за «отсутстви[я] военной силы и полн[ой] зависимость[и] в обеспечении военной безопасности от Соединённых Штатов», «импорт[а] энергии», «идеологическ[ой] косность[и]» крайне уязвимо⁷⁰. Евросоюз демонстрирует тем самым дуализм (два разноинтегрированных направления: экономика и политика) и системную слабость (неспособность их уравновесить вне «интеграционного ядра»), что вызывает определённые сомнения относительно его акторности и перспектив региональной стабильности.

Для М.В. Стрежневой «ЕС представляется международной *организацией* (курсив наш. – А.С.), внешнюю среду которой составляет глобальное политико-правовое управление, в котором Брюссель претендует на одну из главных ролей»⁷¹. В данной интерпретации с акцентом на внешнюю среду допустима гипотеза о попытке решить внутренние проблемы за счёт активного (со)участия в видоизменении международной системы. Если это так, то любопытно будет понаблюдать, приведёт ли усиленная геополитическая активность ЕС к дополнительной разбалансировке или к укреплению интеграции.

⁷⁰ Братерский М.В. Политические конфликты в условиях... С. 25.

⁷¹ Стрежнева М.В. Указ соч. С. 68.

По мнению Ал.А. Громько, «ЕС – это квазигосударственная система (курсив наш – А.С.)... Обращает на себя внимание, – пишет Ал.А. Громько, – что её различные компетенции не статичны, а подвижны. В основном прослеживается тенденция в пользу приращения конфедеративных и федеративных компетенций, но есть и реверсивное движение»⁷².

Учёт (наряду с разновекторностью) подвижности элементов способен сдерживать размышления касательно дуализма и системной слабости, так как политологам придётся сначала ответить на вопросы о способности и скорости изменения элементов, их типичных конфигурациях и влиянии внутренних процессов на общее состояние интеграционной системы, внешние контуры которой, если вспомнить вывод Ю.А. Борко («История ЕС представляет собой двуединый процесс углубления и расширения интеграции»⁷³), сами являются самостоятельным фактором и отнюдь не равнозначны внешней среде. Более того, (реальное и потенциальное) расширение оказывается частью «глобального политико-правового управления» Брюсселя.

Логично, что существенные тенденции в Евросоюзе анализируются также по-разному. И.С. Семененко и И.Л. Прохоренко предпочитают критичный дискурс и выделяют политизацию, иначе – «перенесение центра тяжести интеграционной политики в сферу принятия политических решений», где, по их мнению, осуществляется конструирование европейской идентичности «сверху» с помощью иницилируемых в институтах ЕС технологий... продвижения позитивного образа “зелёной”, “социальной” или “инновационной” Европы, создания узнаваемого пространства символов, реализации стратегии “общих дел” в форме трансевропейских программ и проектов развития»⁷⁴. При этом «политизацию европейского интеграционного проекта» они рассматривают «как ответ на растущее отчуждение политико-институционального пространства современной Европы от её социальных корней, от запросов граждан, для которых соци-

⁷² Громько Ал.А. Россия, США, малая Европа (ЕС)... С. 6.

⁷³ Борко Ю.А. Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // Современная Европа. 2015. №3. С. 14.

⁷⁴ Семененко И.С., Прохоренко И.Л. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // МЭМО. 2015. №7. С. 32.

альная защищённость остаётся, наряду с политической демократией и христианским духовным и культурным наследием, одним из краеугольных камней европейской идентичности»⁷⁵.

Фактически речь идёт о некоей искусственности зарождающейся новой идентичности, поскольку гражданам стран ЕС вместо развития (в худшем случае – трансформации) привычного содержания, символов и образов навязываются альтернативные темы и подходы, размывающие традиционную основу самоидентификации, что вызывает отчуждение, подпитывает неопределённость, о которой так много пишут другие авторы. Обратной стороной искусственности становятся самозанятость элиты, оттягивание востребованных ресурсов, рост самостоятельности.

Ал.А. Громько, наоборот, считает необходимым характеризовать изменение политического ландшафта как многофакторный сложный общеевропейский процесс, а противоречия анализировать в рамках становления полицентричности: «Перипетии брекзита, выход США из ядерной сделки с Ираном, фиаско саммита «большой семёрки» в Квебеке, раскручивание торговой войны между США и ЕС, формирование популистского правительства в Италии, каталонский и шотландский сепаратизмы, раскол в ЕС по вопросам регулирования иммиграции, продвижение строительства «Северного потока 2», – пишет он, – это симптомы идущей *трансформации внутренней структуры коллективного Запада* (курсив наш – А.С.). В целом, – делает вывод Ал.А. Громько, – происходящие события подтверждают тезис о формировании полицентричной модели международных отношений»⁷⁶. Немаловажную роль для него призваны сыграть различия участников «трансформации внутренней структуры коллективного Запада»⁷⁷.

Таким образом, с точки зрения изучения проблем трансформации европейской безопасности ситуация ещё больше запутывается, поскольку, если несбалансированность структуры ЕС и

⁷⁵ Там же. С. 37.

⁷⁶ Громько Ал.А. Политический ландшафт Европы. Грозит ли ЕС геополитическое одиночество? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №3. С. 8.

⁷⁷ Там же.

неопределённость перспектив интеграции многократно подтверждаются исследователями, то абсолютно не ясно, каково их дальнейшее влияние на трансформацию и общую конфигурацию интеграционного пространства. Без этого системное реформирование невозможно, а несбалансированность и неопределённость будут транслироваться в интеграционной системе, грозя превратиться в её постоянные признаки.

С учётом того, что структуры европейской безопасности производные от интеграционной системы и её потенциала, политологическое прогнозирование может стать неблагодарным занятием. Вслед за И.С. Семененко и И.Л. Прохоренко целесообразно усомниться, насколько у элит стран ЕС получится привести к общему знаменателю столь разные направления и программы политизации, сформировать единые подходы и выработать у граждан их относительное схожее восприятие (идентичность).

Именно по этой причине политологи, наверняка, предпочитают активно писать о «системных дефектах» ЕС. А.А. Байков и Л.А. Дымова в качестве таковых называют «отсутствие единой, разделяемой всеми долгосрочной цели интеграции, чрезмерное расширение ЕС, принятие в него стран, существенно различающихся по уровню экономического развития, политической стабильности и политической культуре», «недостаточн[ую] легитимност[ь] евросоюзовской бюрократии»⁷⁸, что вызывает дрейф в сторону межправительственных подходов и размывает уникальность Евросоюза.

Неслучаен и акцент на проблемы, а не на перспективы. В.Я. Швейцер и А.С. Таршин, к примеру, констатируют: «В последние годы Европейский Союз постоянно находится в зоне политико-экономической турбулентности... естественно, что в такой ситуации политическая жизнь ЕС... далека от стабильности»⁷⁹. Мейнстрим, по их мнению, «вынужден маневрировать, идя не только на открытую конфронтацию с теми, кто не при-

⁷⁸ Байков А.А., Дымова Л.Я. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры // Современная Европа. 2017. №3. С. 38.

⁷⁹ Швейцер В.Я., Таршин А.С. Европейский союз: критики и апологеты // Современная Европа. 2016. №1. С. 16.

емлет ЕС в его нынешнем виде, но и ища с последними компромисс тактического, а иногда и стратегического свойства»⁸⁰.

Е.В. Ананьева, анализируя голосование по брекзиту, замечает: «[Б]ританцы, голосуя сердцем, а не разумом, отразили поднявшиеся и в Европе настроения против истеблишмента, против элит, получающих выгоду от глобализации и не желающих прислушаться к мнению людей, против растущего неравенства в доходах. Популизм поднимается не сам по себе – это симптом назревшего нарыва, ответственность за который несут элиты. Британцы выразили общие настроения, характерные для Европы и США»⁸¹.

Ю.А. Борко также видит проблему в инерции элит и в неадекватном понимании ими ситуации. Для него «общий знаменатель» институционального, финансово-экономического кризиса, кризиса государственных долгов, нестабильности еврозоны, экономической рецессии обусловливается «инерци[ей] мышления, сформировавш[ейся] в эпоху динамичного развития интеграции... переоценк[ой] собственных сил, своей способности успешно решать поставленные задачи и преодолевать возникшие трудности... недооценк[ой] масштаба перемен как внутри ЕС, так и в окружающем мире»⁸².

Как следствие – падение привлекательности интеграции в

⁸⁰ Там же. С. 25. См. также В.Н. Чернега: «Страхи евроинтеграционных элит объясняются, во-первых, тем, что евроскептики становятся привычной частью политического пейзажа и их все труднее демонизировать. Во-вторых, в ЕС сохраняются объективные условия для евроскептицизма... большинство граждан Евросоюза недовольны тем, что он не смог адекватно ответить на их приоритетные требования: урегулирование вопроса с иммиграцией, борьба с терроризмом, уменьшение безработицы» (Чернега В.Н. Евросоюз в поисках самого себя // Международная жизнь. 2019. №7. С. 68-69).

⁸¹ Ананьева Е.В. Брекзит: голосовали сердцем // Международная жизнь. 2016. №7. С. 59. См. также: Ананьева Е.В. Брекзит: предыстория и причины // Международная жизнь. 2018. №2. С. 22-34.

⁸² Борко Ю.А. Указ. соч. С. 8. Ср. у М.А. Неймарка: «Одной из исходных причин системного кризиса ЕС стали несбалансированность, усиливающаяся несовпадение и нынешняя дифференциация самих подходов к его интеграционным перспективам. В различных формах и в той или иной степени выражения и радикальности они проявились, с одной стороны, среди северных стран – членов ЕС и стран Южной Европы, а с другой – внутри стран, которые стояли у истоков европейской интеграции, и стран-“новобранцев” ЕС» (Неймарк М.А. Кризис либеральной модели миропорядка... С. 31).

варианте ЕС. Н.Ю. Кавешников так оценивает ЕС после голосования о выходе Великобритании: «Наиболее очевидным последствием референдума, – пишет он, – является крах идеологии постоянного и неуклонного развития интеграции. Европейская интеграция должна постоянно углубляться, интеграция – это необратимый процесс, не имеющий обратного хода. Конечная цель неизвестна, но «всё более тесный союз народов Европы» подразумевает постоянное движение вперед... После ухода Великобритании периферия Евросоюза вероятно всего окончательно трансформируется в страны второго сорта, в провинцию»⁸³.

Ал.А. Громыко более сдержан: «Невостребованность модели, – полагает он, – не означает, что она не может обладать привлекательностью»⁸⁴.

В подобной ситуации особое значение приобретает изучение интеграционных моделей, их вариантов. Н.К. Арбатова выделяет «три основные модели»: «Первая модель, – замечает она, – *асимметричная интеграция* (здесь и далее в цитате курсив наш – А.С.), то есть поэтапная интеграция без изменения договорно-правовой базы и с опорой на Европейский совет в противовес Европейской комиссии. Эта модель, – отмечает Н.К. Арбатова, – предусматривает создание новых межправительственных механизмов финансирования... Вторая модель – *политическая и экономическая федерация*. Её строительство потребует кардинального изменения договорно-правовой базы, которая должна будет вобрать в себя все интеграционные меры, принятые в ЕС для выхода из кризиса... амбициозный проект, предполагающий создание полнокровной экономической федерации, европейского правительства с широкими политическими полномочиями в процессе принятия решений и прямой легитимности через реформированные институты ЕС... Третья модель [по её мнению] – *проект двухскоростной Европы*, базирующейся на межправительственном договоре между ведущими странами еврозоны, которые готовы и хотят продвигаться впе-

⁸³ Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Brexit для развития Европейского союза // Вестник МГИМО (У). 2016. №6. С. 25, 28.

⁸⁴ Громыко Ал.А. Европейские исследования... С. 8.

рѣд по пути дальнейшей интеграции»⁸⁵.

С точки зрения Н.Ю. Кавешникова, первым вариантом является «[ч]астичная деконструкция Евросоюза (курсив наш – А.С.). В основе этой стратегии, – пишет он, – лежит тезис о том, что европейская интеграция зашла слишком далеко и что следует пересмотреть некоторые «ошибки» прошлого. Например, под вопрос ставится целесообразность созданной системы управления в зоне евро... Предлагается демонтировать ряд отраслевых политик... ставится вопрос о сокращении регуляторных функций Евросоюза, чрезмерно искажающих свободный рынок (сельскохозяйственная политика, защита потребителей и др.)». Второй вариант – «Евросоюз ядра и периферии (гибкая интеграция)»⁸⁶, или «проект двухскоростной Европы» у Н.К. Арбатовой.

По мнению Т.Н. Мозель, существует только один оптимистичный сценарий: «Преодоление создавшегося кризиса, – думает она, – займѣт определённое время, однако при существующей степени взаимозависимости экономических и правовых систем и заинтересованности государств в совместном развитии преждевременно говорить о распаде Союза. Выход Великобритании может скорее стать не прецедентом, а, напротив, импульсом к консолидации стран-членов»⁸⁷.

Ю.А. Борко не разделяет оптимизма Т.Н. Мозель: «Евросоюз, – считает он, – обладает большим запасом прочности, но его будущее не безоблачно». Глобальный кризис, по его мнению, может его уничтожить⁸⁸.

⁸⁵ Арбатова Н.К. Посткризисные модели европейской интеграции // МЭиМО. 2014. №11. С. 23–24.

⁸⁶ Кавешников Н.Ю. Указ. соч. С. 26–27. См. также: Кавешников Н.Ю. Четыре сценария европейской интеграции: Аналитическая записка РСМД. 2016. №2. URL: <https://russiancouncil.ru/upload/4-scenarios-european-integration-policybrief2-ru.pdf> (дата обращения 24.09.2020).

⁸⁷ Мозель Т.Н. Европейский союз: назревшие перемены // Вестник Дипакадемии. 2018. №1. С. 41.

⁸⁸ Борко Ю.А. Указ. соч. С. 14. О другом подходе см.: Громько Ал.А. Россия, США, малая Европа... С. 11–13. Ал.А. Громько отказывается от сценариев и пишет о пяти вариантах отношений в Европе: «Сближение России и ЕС (Большая Европа)... Продолжение сближения ЕС и США... Новая “перезагрузка”, сближение США и России... Взаимодействие всех трёх вершин... Дрейф всех от всех».

В сценарии ассиметричной интеграции из-за отсутствия необходимых компетенций ЕС не сможет стать полноправным участником трансформационных процессов в сфере безопасности. В случае построения полномасштабной «политической и экономической федерации» по причине длительного периода самозанятости (выстраивания функционирующих институтов и структур) будут иметь место практически такие же последствия. Лишь «проект двухскоростной Европы» («Евросоюз ядра и периферии») сможет позволить быстрее приобрести акторность и предоставит возможность ЕС оперативно сыграть значимую роль в (видо)изменении международной системы.

В настоящий момент к осуществлению «проекта двухскоростной Европы» очень настороженное отношение, поскольку его оборотной стороной являются опасность раскола и угроза разбалансировки. Страны-лидеры вынуждены, по всей видимости, тщательно взвешивать последствия, задумываться (при наличии НАТО) над отказом или переносом его полномасштабной реализации «в наиболее критичных областях».

Из вышенаписанного следуют три промежуточных вывода:

- трансформация системы международных отношений предполагает трансформацию Евросоюза, но отнюдь не первоочередное изменение его оборонных, военных и военно-политических компетенций;
- большинство политологов сдержанно относится к перспективам успеха ЕС;
- у элит стран ЕС, думается, также нет ясного видения того, как согласовано «преодолевать возникшие трудности»⁸⁹.

3.2. Некоторые проблемы наднационального уровня безопасности и обороны

Общая политика безопасности и обороны Евросоюза формировалась трудно. В.В. Журкин и М.Г. Носов указывают на «[с]опротивление США, борьб[у] в западном сообществе... и в

⁸⁹ См. замечание В.А. Чижова, представителя Российской Федерации при Европейском союзе: «направляется вопрос относительно принципиальной способности ЕС стать для России или кого-либо другого в многополярном мире ценным стратегическим партнёром» (Чижов В.А. Россия и Европейский союз – 20 лет спустя // Международная жизнь. 2014. №6. С. 7).

самом Евросоюзе, где вокруг военной политики возникали... разногласия... К этому, – уточняют они, – добавлялись новые динамичные движущие силы», хотя «в сегодняшней турбулентной международной обстановке периодически возникают ситуации, которые в силу разных причин вновь и вновь ставят перед Европейским Союзом вопрос о потребности в автономных военных силах»⁹⁰.

Ю.А. Борко, по всей видимости, согласен с коллегами и напоминает, что «участники ревниво оберегают свой суверенитет в области внешней политики и обороны... [а] внешнеполитические приоритеты стран ЕС не одинаковы»⁹¹.

Д.А. Данилов, анализируя *Глобальную стратегию ЕС во внешней политике и политике безопасности*⁹², обращает внимание на то, что «[с]пособность ЕС вырабатывать общие концептуальные рамки «политического единства» контрастирует с (не)способностью стран ЕС реализовывать общие договорённости на практике»⁹³.

При этом «[к]ризис европейской системы безопасности, – пишет Д.А. Данилов, – является для ЕС, по сути, внешним, а ОВПБО не рассматриваются критически и... как часть этого «внешнего» кризиса. При таком подходе, – делает вывод он, – весьма проблематично сформулировать антикризисную стратегию, ориентированную на заинтересованное взаимодействие с внешними партнёрами»⁹⁴. Кроме того, продолжает Д.А. Данилов, «в условиях системного и крайне острого кризиса в Европе конфликт интересов на пространстве пересекающегося соседства неизбежно будет воспроизводиться по спирали»⁹⁵.

Евросоюз, по его мнению, «[п]осле подписания «Совместной декларации НАТО – ЕС» на Варшавском саммите альянса

⁹⁰ Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. 2019. №1. С. 7-8, 10.

⁹¹ Борко Ю.А. Указ. соч. С.10.

⁹² См. подробнее: Report of IE RAS (January 2017): The EU Global Strategy. A View from Russia. URL: http://en.instituteofeurope.ru/images/news/30/IERAS_ReportJanuary2017.pdf (дата обращения 15.09.2020).

⁹³ Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор // Современная Европа. 2017. №1. С. 11.

⁹⁴ Там же. С. 12.

⁹⁵ Там же. С. 13.

8-9 июля 2016 года ... фактически оказывается связанным и политическими, и оперативными установками НАТО»⁹⁶ (см. подробнее главу 4).

Стремление ЕС объединить ««европейскую оборону» с планами формирования общего рынка военных НИОКР, производства и снабжения» является «самым слабым звеном», «учитывая, как технологическое отставание Европы от США и Китая, так и не преодоленную зависимость и от американских гарантий, и от американского ВПК»⁹⁷. Естественно, размышляет Д.А. Данилов, «Вашингтон ожидает от ЕС больших военных расходов, которые должны быть, в конечном счёте, капитализированы в американских оборонных программах и военно-технических инструментах, но не допустит реального усиления европейцев в качестве конкурентов Соединённым Штатам и их глобальным интересам. Вашингтон, – конкретизирует он, – поддерживает «европейскую автономию» до тех пор, пока она не может быть автономной и контролирует её через НАТО»⁹⁸.

Если ранее «основным препятствием считалось британское вето на «еврооборону» и ПЕСКО, [то] теперь же, – уточняет Д.А. Данилов, – оказалось, что уход Великобритании создаёт ещё большие преграды и ограничения». В успехе ЕС достигнуть «в обозримой перспективе необходимого потенциала и качества «европейской обороны», чтобы претендовать на относительную самостоятельность»⁹⁹, он сомневается.

⁹⁶ Там же. С. 17. См. также: «Парадоксально, но в нынешних условиях дополнительное финансирование общей европейской оборонной промышленности повышает риски большей зависимости Европы от США. Для некоторых стран, не обладающих существенным военно-экономическим потенциалом (страны Балтии, Румыния, Польша), вполне вероятно, и открывались бы новые возможности, связанные с развитием связей с США и получением от них многоплановой, в том числе экономической отдачи (spin-off). Однако для ведущих европейских государств (Франции и Германии) и ЕС в целом подобное американское укрепление в Европе ещё больше повышало бы риски и потенциальные ущербы – ослабление вектора европейской оборонной автономии, общего европейского и экспортного рынка вооружений и оборонных технологий» (Данилов Д.А. Североатлантический альянс: время Трампа // *Международная жизнь*. 2017. №4. С. 39).

⁹⁷ Данилов Д.А. «Европейская ответственность» в геополитической картине А. Меркель // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. №1. С. 21.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 21-22.

Для Ал.А. Громыко ситуация выглядит по-другому: «В реальности, – полагает он, – шансы у ЕС есть на выполнение менее амбициозной задачи – в рамках Запада создать относительно самостоятельный европейский центр принятия и реализации решений и переложить на него часть обязанностей, от которых отказываются США»¹⁰⁰. Такое разделение ответственности формирует «двухъядерную конструкцию» на Западе.

Относительно американского фактора Ал.А. Громыко в целом согласен с Д.А. Даниловым: «[О]смысленное существование категории “Запад”, – замечает он, – зависит больше от Вашингтона, который должен согласиться с каким-то новым вариантом перераспределения ответственности между противоположными берегами Атлантики. И спешить ему не приходится, ведь ЕС ещё должен доказать самому себе и продемонстрировать миру, что он способен на провозглашённую стратегическую самостоятельность»¹⁰¹.

Пока же «раскол Запада, глобальные социально-экономические процессы и технологические изменения, отражающие “новую нормальность”», по мнению Ал.А. Громыко, «имеют целый ряд долговременных последствий. Евросоюз стоит перед необходимостью не только внутренней политической и экономической модернизации, но во многом нуждается в изменении своего мышления, стратегических подходов и целей... Нарращивание собственного политико-военного потенциала ЕС является очевидным императивом»¹⁰².

Стратегическое мышление и стратегическая самостоятельность влияют друг на друга. Парадокс в том, что результат, полученный на основе работы стратегического мышления, может привести представителей элит к неутешительному выводу об ограниченной системной дееспособности Евросоюза, что грозит превратиться в дополнительный сдерживающий фактор на пути развития европейской интеграции.

До тех пор, пока цель ЕС абстрактна, многие проблемы мо-

¹⁰⁰ Громыко Ал.А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. 2018. №4. С. 9.

¹⁰¹ Там же. С. 9-10.

¹⁰² Там же. С. 14.

жно откладывать, а внутреннюю рамку интеграции интерпретировать в качестве границ временной недееспособности ЕС в сфере обороны и безопасности. Тем более, «[к]ризис европейской системы безопасности является для ЕС, по сути, внешним».

Последний вывод имеет, на наш взгляд, принципиальное значение. Благодаря ему очевидно, что углубление интеграции невозможно без внутренних реформ, и подчёркивается нежелание, неспособность или опасение мыслить комплексно. Ведь любая комплексность – это отказ от иллюзий, за ней должны последовать конкретные политические шаги.

Сила США, таким образом, заключается и в слабости ЕС. Дискуссионный вопрос, насколько эта слабость преодолима в данной интеграционной конструкции или интеграцию нужно запускать вновь.

Внутренняя рамка интеграции (среда в интерпретации Ал.А. Громько), с одной стороны, поддерживает интеграционный проект; с другой – оказывает сдерживающее влияние. В связи с этим ещё один дискуссионный вопрос заключается в теоретико-практическом исследовании того, возможен ли баланс между развитием и сдерживанием, подлежит ли он длительному контролю и управлению.

* * *

Как изучение наднационального уровня в варианте ЕС влияет на изучение проблем трансформации европейской безопасности?

Во-первых, благодаря этому безопасность понимается как динамичный процесс, подверженный изменениям, схожим для всех включённых в интеграцию процессов.

Во-вторых, возникает потребность разграничить, сопоставить и оценить происходящее в интеграции в целом и в комплексе безопасности в частности, выявив общее и особенное; полученный результат способен не только углубить предмет исследования, но и поставить новые дискуссионные вопросы.

В-третьих, как и в отношении трансформации (см. п. 2.1.), необходимо будет сформулировать дифференцированное определение европейской безопасности, в котором учитывалась бы динамика интеграционной системы и её внутренние вызовы.

Возвращаясь к поставленному в начале главы вопросу «Является ли Евросоюз “крупным игроком” и будет ли его внутренняя рамка способствовать “созданию трендов современности” применительно к интересующему нас предмету?», необходимо заметить следующее: ЕС – потенциально «крупный игрок» с не до конца определёнными и опробованными собственными возможностями, из-за чего *среда* интеграции, или её внутренние рамки, пока слабо задействованы в «создании хотя бы контурного рисунка мировой системы».

ГЛАВА 4. НАТО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Комплекс проблем, связанных с развитием НАТО, также является необходимым для анализа выбранного нами предмета исследования.

4.1. История изменений и сценарии развития

Первый вариант истории эволюции Альянса представлен И.А. Истоминым, И.В. Болговой, А.А. Сушенцовым и О.И. Ребро. Звучит он следующим образом: «После окончания холодной войны НАТО изменила профиль деятельности и *выдвинула на первое место задачу противодействия терроризму* (здесь и далее в цитате курсив наш – А.С.)... *США...*, – пишут они, – *намерены были сохранять лидерство* и в евро-атлантическом обществе. Эти амбиции вступали в противоречие со стремлением *переложить бóльшую часть издержек за поддержание безопасности в Европе на местных игроков*. Отражением... стало... *сокращение масштабов американского присутствия* в регионе, а также *поддержка инициатив по усилению “европейской опоры” НАТО... европейские государства*, – подчёркивают авторы, – *стали претендовать на бóльшую самостоятельность* в международных делах... Реактуализация задач военно-политического сдерживания после украинских событий 2014 года подстегнула расширение американской военной инфраструктуры в Центральной и Восточной Европе. Это ... *отвлекает ресурсы Вашингтона от центрального направления его глобальной стратегии* (к примеру, китайской угрозы – А.С.)... в настоящее время сохраняется двойная неопределён-

ность относительно перспектив сохранения приверженности США активному присутствию в Европе, а также способности европейских государств к самостоятельным действиям в военно-политической сфере»¹⁰³.

Получается, что основное намерение США – добиться от союзников бóльшей поддержки в антитеррористической борьбе, сбалансировать лидерство и плату за него. Реальные геополитические интересы американцев («центральное направление глобальной стратегии») стали расходиться с интересами европейских участников Альянса. Данная тенденция, по мнению И.А. Истомина, И.В. Болговой, А.А. Сушенцова и О.И. Ребро, наиболее наглядно проявилась в 2014 г.

Если развивать это видение происходящего в Альянсе, то потенциальную самостоятельность европейских союзников придётся рассматривать в контексте разгрузки американцев, сохранения их лидерства в НАТО, а также в контексте проводимой ими противоречивой политики, при которой стремление европейцев к самостоятельности следует интерпретировать как объективный процесс. Налицо противоречие.

Второй вариант истории эволюции Альянса отличается от первого тем, что авторы, придерживающиеся его, больше подчёркивают приоритетность сохранения для Вашингтона свободы рук: «администрация Дж. Буша-младшего, – сказал Ф.Г. Войтоловский в интервью журналу «Международные процессы», – предпочла действовать в одиночку. Операция Международных сил содействия безопасности в Афганистане была передана под контроль НАТО, но изначально американцам оказалось сподручнее действовать в одиночку или в формате “коалиции желающих”, а не опираться на забюрократизированные структуры, жёстко регламентированные процедуры согласования и утверждения решений. При Б. Обаме, – продолжал Ф.Г. Войтоловский, – имела место попытка возврата к евроатлантическому институционализму, но она носила ограниченный характер, а попытки Соединённых Штатов делегировать полномочия европейским членам Альянса (как это было в ситуации с ливий-

¹⁰³ Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Указ. соч. С. 28-29.

ским кризисом) повлекли за собой более чем сомнительные как в военном, так и в политическом плане результаты»¹⁰⁴.

В схожем направлении соединения автономности и союзнических обязательств размышляет и Ю.И. Надточей, с точки зрения которого «сменяющие друг друга американские администрации... испытывали всё большее разочарование в связи с невозможностью вовлечь Евросоюз и НАТО в процесс глобального соуправления мировой системой. *Объективной причиной тому служило неуклонное сокращение потенциала влияния на мировые дела обеих организаций* (здесь и далее в цитате курсив наш – А.С.)... *американцы были вынуждены сделать ставку на иных перспективных партнёров в лице незападных стран и международных организаций*... Полного отказа от «широкого натоцентризма» времён администрации Б. Клинтона не произошло, но прагматичная республиканская команда Дж. Буша мл. не стремилась перегружать НАТО избыточными обязательствами... Данная тенденция, – аргументирует Ю.И. Надточей, – ... оформилась в так называемый всеобъемлющий или комплексный подход (*comprehensive approach*), согласно которому *НАТО стала отводиться роль не «мирового полицейского»... а многопрофильной организации в виде глобального узла, связывающего Евро-Атлантику с остальным миром через тесную сеть разнообразных партнёрств*»¹⁰⁵.

По мнению Ю.И. Надточей, после рижского саммита Альянса в 2006 г. была создана «разветвлён[ая] сеть контактов с различными странами и международными организациями»¹⁰⁶. При этом «интервенционистская активность НАТО, достигнув своего пика к середине 2000-х годов, стала резко снижаться уже к концу первого десятилетия нового века. Гуманитарное вмешательство *в любых его формах и проявлениях* (курсив наш – А.С.), хотя официально и не исключаются из набора функций НАТО, всё же перестаёт быть магистральным направлением

¹⁰⁴ Войтоловский Ф.Г. «Определение стратегических целей – это сфера идеологии...» // Международные процессы. 2017. №1. С. 162.

¹⁰⁵ Надточей Ю.И. Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестаёт быть глобальной организацией? // МЭиМО. 2014. №6. С. 19-20.

¹⁰⁶ Там же. С. 20.

деятельности»¹⁰⁷, – полагает Ю.И. Надточей.

С этим, по всей видимости, не согласен Ф.Г. Войтоловский, по мнению которого «у евроатлантической солидарности сегодня есть не только военно-политическое измерение. Использование экономических, финансово-экономических и политических рычагов в качестве силовых (но невоенных) инструментов, – заметил он, – представляется новым направлением совместной деятельности США и европейских союзников... в рамках НАТО внимание к невоенным аспектам сотрудничества возрастает уже давно, хотя и с немного другими акцентами. Думаю, – конкретизировал он свой тезис, – что практика использования многосторонних санкций, инициированных США и поддержанных их союзниками, будет расширяться, тем более что американское законодательство создаёт для этого благоприятные основания»¹⁰⁸.

В свою очередь М.М. Панюжева выступает за то, что «[с]оздание ОВПБ (общей внешней политики и политики безопасности ЕС – А.С.) объективно снизило роль НАТО, отношения США и ЕС приобрели самостоятельное значение и перестали базироваться на союзнических связях в рамках альянса»¹⁰⁹.

Выводы представителей второго варианта анализа новейшей истории Альянса сводятся к тому, что благодаря интересам и действиям США внутри НАТО появились противоречия,

¹⁰⁷ Там же. С. 22. Ср. с точкой зрения Л.С. Воронкова: «В своём стремлении обрести глобальные функции НАТО стала брать на себя миссии обеспечения стабильности в различных частях света. Как известно, именно НАТО было поручено руководство антитеррористической операцией против “Талибана” в Афганистане. Альянс всё более склонен предпринимать миссии, которые не связаны с защитой или обороной территории. Он активно работает над глобализацией западных ценностей и распространением их в различных районах мира, равно как над устранением или сменой тех политических режимов, в которых он видит препятствие для подобного распространения. Стратегия поддержки и провоцирования экспорта “цветных революций” против таких режимов становится важнейшей составляющей политики альянса и вне Европы» (Воронков Л.С. Влияние концепции однополярного мира на системы европейской и международной безопасности // *Международная жизнь*. 2016. №11. С. 152).

¹⁰⁸ *Войтоловский Ф.Г.* Указ. соч. С. 163.

¹⁰⁹ Панюжева М.М. Европейская безопасность: атлантизм vs европеизм // *Современная Европа*. 2016. №1. С. 65.

разрешить которые получится как через возвращение к истокам, прежнему пониманию безопасности в трансатлантических границах, так и через задействование «новых рычагов».

Большинство политологов, хотя у них и нет единства в оценке будущего НАТО, убеждены в неспособности Альянса быть устанавливающим правила глобальным игроком. И.А. Истомин, И.В. Болгова, А.В. Сушенцов и О.И. Ребро констатируют «распад нормативного консенсуса», наличие «угро[з] доминированию либеральной идеологии», подчёркивают существенный рост «гетерогенност[и] внутри НАТО» и «торг внутри организации в отношении её стратегических приоритетов, распределения ресурсов и выбора направлений сотрудничества», обусловленный «[у]глубляющи[ми]ся различия[ми] между участниками объединения в оценке угроз», выражают уверенность в «высок[ой] адаптивност[и] Североатлантического альянса и широк[ом] набор[е] компетенций», но считают ограниченными «возможности его функциональной диверсификации», в не последнюю очередь из-за «привязк[и] к вопросам “жёсткой” безопасности» и заверяют, что «[д]аже в случае продолжения эрозии нормативного консенсуса, этот процесс не приведёт к ослаблению блока, если практическая польза от сотрудничества будет превышать идеологические издержки», и НАТО при благоприятных условиях сможет «оставаться центральным институтом трансатлантической координации, обеспечивающим также проекцию силы государств-членов в прилегающих регионах», хотя «наиболее вероятным является сценарий, предполагающий частичную перестройку взаимодействия в трансатлантическом сообществе и, возможно, даже некоторое снижение институциональных возможностей альянса, но без утери его жизнеспособности»¹¹⁰.

В то же время они пишут и о так называемых истинных (не-деидеологизированных) целях организации: «В случае деидеологизации повестки НАТО при сохранении руководящей роли Вашингтона внимание организации ограничилось бы, [по их мнению], непосредственными источниками дестабилизации, в

¹¹⁰ Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Указ. соч. С. 29-31.

первую очередь – Ближним Востоком и Африкой»¹¹¹.

С точки зрения Ю.И. Надточей, «Североатлантический альянс вошёл в очередную фазу развития – фазу сокращения влияния... предстоящие перемены не являются для НАТО позитивными, – утверждает Ю.И. Надточей, – ...альянс, столкнувшись с суровыми реалиями мирового экономического кризиса, постепенно теряет свой привычный глобальный облик. Он переходит к решению задач собственного выживания в более узких региональных рамках и в условиях наименее предсказуемой, с момента завершения холодной войны, внешней среды»¹¹². Одной из причин такого развития, по Ю.И. Надточей, является «отсутстви[е] у лидеров по обе стороны Атлантики политической воли»¹¹³.

Ф.Г. Войтоловский полагает, что НАТО в «стратегических документ[ах]» возвращается «к реализму, пониманию того, что приоритеты в сфере безопасности должны быть сосредоточены в пределах европейского или евроатлантического региона. Вместе с тем такой пересмотр, – говорит он, – не означает, что глобалистские интенции исчезли из идеологии атлантизма навсегда... сейчас для них не время... издержки (причём не только военные или экономические, но и внутривнутриполитические) не позволяют правительствам стран – участниц Альянса всерьёз думать о превращении НАТО в силовой инструмент глобального управления»¹¹⁴.

Выводы Ю.И. Надточей более категоричны: «Даже если на смену традиционной мировой «вертикали власти», – пишет он, – постепенно придёт сетцентричная структура мироустройства, альянсу... вряд ли удастся достичь глобального статуса, став её ключевым звеном или, что ещё менее вероятно, управляющим центром»¹¹⁵. Да и применительно к государствам-членам «альянс ожидает роль не главного организатора, а, скорее, координатора, способного повысить эффективность деятельности национальных невоенных министерств, агентств и других орга-

¹¹¹ Там же. С. 31.

¹¹² Надточей Ю.И. Указ. соч. С. 28.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Войтоловский Ф.Г. Указ. соч. С. 159, 162.

¹¹⁵ Надточей Ю.И. Указ. соч. С. 28.

нов, гораздо лучше приспособленных для борьбы с «внетерриториальными» видами угроз»¹¹⁶.

О.А. Тимакова констатирует: «По всей видимости, возобладает позиция сторонников постепенных изменений в НАТО. Однако солидарность союзников теперь будет оцениваться размерами их оборонных расходов. Выработка единой позиции в США может занять много времени, и, возможно, европейцам придётся самим справляться с опасностями и угрозами на своих границах и внутри альянса»¹¹⁷.

Н.К. Арбатова предлагает три сценария трансатлантических отношений в XXI в. которые «предполагают бóльшую... автономию европейских союзников»: «*Сценарий структурного размежевания* (здесь и далее в цитате курсив наш – А.С.), предполагающий, что партнёрам, разрываемым собственными, не совпадающими интересами, будет всё труднее формировать общую политическую платформу, и в силу этого будут появляться и укрепляться несовместимые политические цели, средства и модели поведения... умножение задач... и диверсификация угроз безопасности, – отмечает Н.К. Арбатова, – размывают общую стратегическую цель... *Сценарий прочного партнёрства* предполагает совпадение и взаимодополняемость стратегических целей Европы и США, что наряду с прочной институциональной основой трансатлантических отношений позволит преодолеть неизбежные разногласия и расхождения по практическим вопросам... *сценарий функционального партнёрства*... исходит из того, что традиционные партнёры будут неизбежно отдаляться друг от друга, но, тем не менее, им удастся определить сферы функционального или ограниченного сотрудничества. В соответствии с этим сценарием НАТО всё больше будет превращаться в блок à la carte или форум, где союзники будут заключать сделки по принципу “ты – мне, я – тебе”». Что касается последнего сценария, то он, по мнению Н.К. Арбатовой, «отвечает интересам европейских автономистов»¹¹⁸.

¹¹⁶ Там же. С. 23.

¹¹⁷ Тимакова О.А. Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипакадемии. 2017. №4. С. 40.

¹¹⁸ Арбатова Н.К. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии // МЭиМО. 2015. №11. С. 35-36. См. также: Иванов О.П. Модерниза-

Таким образом, ни будущая самостоятельность европейских союзников, ни вывод о том, что Альянс будет изменяться и лишится в глобализирующемся мире части прежней привлекательности практически не оспариваются.

На наш взгляд, дискуссию прекращать всё же рано. Скорее всего, её нужно вести в направлении широкого (общемирового и регионального) понимания полицентричности и способности полицентрично организованных мира, если таковой находится в стадии формирования, и регионов создавать эффективные структуры.

В этом случае некоторые сценарии и тенденции в отношении той же НАТО перестанут включать в научный дискурс, а полицентричность будет мыслиться как сложный многоуровневый феномен (так называемая сложная полицентричность). В настоящее время, правда, невозможно сказать, станет ли такая «сложная полицентричность» благом для человечества.

4.2. Трудности текущего сотрудничества

Если исследователи анализируют текущее сотрудничество в Альянсе, то они, как правило, приходят к несколько иным выводам, чем представленные в предыдущем пункте. «Нынешнее трансатлантическое тесное военно-политическое сотрудничество... – пишет К.В. Воронов, – носит поистине беспрецедентный характер... Соединённые Штаты располагают целым рядом баз и объектов в Старом Свете, которые могут использоваться в конфликтах в близлежащих регионах [Большого Ближнего Востока] и Африки»¹¹⁹.

А.В. Манойло обращает внимание на новые формы и форматы взаимодействия. «НАТО, – замечает он, – уже сформировала целостную и непротиворечивую стратегию ведения боевых действий (и действий, к ним приравненных) в глобальном информационном и киберпространстве... [она] опирается на формы и методы ведения боевых действий, основой которых являются «кибероперации» – оперативные комбинации сил и средств информационного воздействия на каналах ...открытых

ция стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №3. С. 117-127.

¹¹⁹ Воронов В.К. Европейский порядок: мировая смена парадигмы? // МЭМО. 2017. №3. С. 36-37.

телекоммуникационных сетей... Тесная спайка... с разведкой... обеспечивает привнесение в кибероперации стран НАТО оперативно-агентурной составляющей, характерной для деятельности спецслужб... НАТО использует возможности межгосударственных объединений, не имеющих прямого отношения к Альянсу, а также форматов взаимодействия стран..., позволяющие киберподразделениям НАТО решать боевые и пропагандистские задачи, оставаясь формально вне рамок официальной деятельности самого Альянса»¹²⁰.

В то же время остаются нерешённые проблемы. Речь может идти о *перераспределении финансовой нагрузки, или об устранении «устойчивой асимметрии обязательств»*. Ю.И. Надточей и Д.Н. Христенко описывают суть проблемы так: «планировалось путём постепенного сокращения американских обязательств в отношении НАТО и частичного перекладывания этих обязательств на европейских союзников выровнять диспропорции в финансировании коллективной обороны. Это позволило бы США не замыкаться исключительно на проблемах европейской безопасности, а высвободить необходимые ресурсы для реализации военно-блоковых проектов в других регионах мира, равномерно распределив при этом американскую глобальную военную мощь и политическое влияние»¹²¹.

В этой логике уступки европейцев равноценны поддержке укрепления позиции американцев (см. 4.1). Соответственно, от-

¹²⁰ Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. №3. С. 177-178. См. также: Зинченко А.В., Толстухина А.Ю. Мир или война в киберпространстве? // Международная жизнь. 2018. №9. С. 82-90.

¹²¹ Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Разделение финансового бремени в НАТО: старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. №1. С. 59. См. также Д.А. Данилова: «дилемма распределения бремени и ответственности внутри Североатлантического альянса не только не является новой, она изначально определяла его сущностные параметры; постоянно меняющиеся трансатлантические балансы и политику НАТО»; «В начале 1990-х годов дилемма “бремени” была преобразована в формулу “распределения ответственности”, что давало возможность Европе сохранять гарантии американского присутствия после окончания холодной войны, а США – быть главным игроком не только в европейских делах, но и занять место единственной глобальной державы» (Данилов Д.А. Североатлантический альянс: время Трампа... С. 24, 22).

каз от выполнения обязательств должен привести к ослаблению Соединённых Штатов. Однако согласие европейцев «увеличить свои вложения в обеспечение обороноспособности блока», по словам Ю.И. Надточей и Д.Н. Христенко, дано скорее из-за опасений «дальнейшего сокращения американского военного присутствия»¹²², что противоречит отмечаемому другими исследователями объективному характеру самостоятельности европейских государств-членов.

Кроме того, *односторонние действия США провоцируют внутринатовские конфликты*: «При республиканской администрации Дж. У. Буша, – пишут Ю.И. Надточей и Д.Н. Христенко, – большинство национальных американских программ в военной сфере были закрыты для участия даже самых близких союзников США»¹²³.

По мнению Д.А. Данилова, «[а]дминистрация Д. Трампа демонстрирует готовность США укреплять в одностороннем порядке силовую составляющую своей международной политики, что может направить вектор взаимного сдерживания в направлении слома стратегического баланса и выходящей из-под контроля конфронтации и гонки вооружений, включая милитаризацию европейского пространства... Европа всё в большей мере, – полагает Д.А. Данилов, – осознаёт нарастающие риски, с одной стороны, и свои ограниченные возможности влиять на современную американскую политику в направлении обеспечения стратегической стабильности и механизмов многосторонней дипломатии, с другой стороны»¹²⁴.

На Лондонском саммите НАТО 2019 г., констатирует Д.А. Данилов, французский президент, стремившийся «укреплять трансатлантические связи и претендова[вший] на особое отношение с новой американской администрацией...», не получив желаемого», перешёл «в оппозицию к США», «позволил себе усомниться в том, что статья V о коллективной обороне остаётся

¹²² Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Разделение финансового бремени в НАТО... С. 61.

¹²³ Там же. С. 65.

¹²⁴ Данилов Д.А. Россия-ЕС-НАТО: выбор рациональной стратегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №3. С. 70.

действенной»¹²⁵.

Подобная позиция Э. Макрона («демарш Макрона») – «это, [по Д.А. Данилову], зеркальный ответ самому Трампу, постоянно шантажирующему союзников выполнением своих обязательств по коллективной обороне». Данный демарш «помеша[л] Трампу использовать встречу в Уотфорде для регулярного американо-европейского спарринга». При этом «Берлин, формально не согласившись с Макроном в его жёсткой оценке Североатлантического альянса... де-факто выступает солидарно с ним, делая акцент на «европейской обороне» и стратегических интересах, расходящихся с требованиями Трампа к союзникам»¹²⁶.

Общий итог встречи в Великобритании («включение космического пространства в сферу оперативной активности НАТО», «прямое включение «китайской проблемы» в повестку НАТО»), с точки зрения Д.А. Данилова, свидетельствует о том, что «Вашингтон фактически привязывает будущее военное планирование НАТО к своей стратегии, к американскому военнотехническому и оперативному обеспечению системы коллективной обороны», и о том, что «Европа попала в капкан Д. Трампа, для которого НАТО остаётся наиболее подходящим местом для «сделки» с европейскими оппонентами»¹²⁷.

Что же касается дальнейших позиционных столкновений, «[н]едовольство и сопротивление европейцев растёт, и они также могут использовать новую трансатлантическую повестку и площадку НАТО для спарринга с Трампом и американской администрацией»¹²⁸.

Ал.А. Громыко, признавая разногласия между партнёрами, смотрит на ситуацию не столь однозначно: «После того как США в стратегии национальной безопасности 2017 года провозгласили тезис о возобновлении геополитической конкуренции и *большинство их союзников* (здесь и далее в цитате кур-

¹²⁵ Данилов Д.А. 70 лет НАТО: юбилей на фоне политических разногласий // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №6. С. 75-76.

¹²⁶ Там же. С. 74, 77.

¹²⁷ Там же. С. 78. См. также: Данилов Д.А. НАТО: неформальный саммит или новый формат? // Международная жизнь. 2017. №8. С. 50-67.

¹²⁸ Данилов Д.А. «Европейская ответственность»... С. 20.

сив наш – А.С.) с этим быстро *согласилось*, – отмечает он, – *политический дискурс* в условиях информационных войн *форсировал представление о либерализме* как о доминирующей системе ценностей»¹²⁹.

В свою очередь, А.И. Шумилин объясняет причины недовольства США европейскими партнёрами: «Результаты Варшавской конференции, – пишет он, – оказались во многом разочаровывающими для администрации Трампа: европейцы не только не проявили признаков изменений своих позиций, но даже та часть восточноевропейцев, которые ранее активно поддерживали американский подход к ближневосточным проблемам, предпочла изменить тон своих заявлений. Показательно, что сами польские организаторы постарались дистанцироваться от «ястребиной концепции» (в отношении Ирана), которую пытался навязать форуму госсекретарь США... Пытаясь навязать Европе свою линию поведения в отношении Ирана, администрация Трампа по сути подталкивает европейцев к конфронтации с Исламской республикой не только по ядерной программе Тегерана, но в обозримой перспективе и по всему периметру противостояния США с Ираном – в Ираке, Ливане, Йемене и Сирии. Особенно отчётливо просматривается попытка более активно вовлечения европейцев в контексте плана создания буферной зоны в Сирии»¹³⁰, – аргументирует А.И. Шумилин.

Таким образом, изучение текущего американско-европейского взаимодействия позволяет исследователям:

- воспринимать НАТО как успешную организацию;
- обращать внимание на использование ею «возможност[ей] межгосударственных объединений, не имеющих прямого отношения к Альянсу», что способно укреплять сотрудничество;
- применять новые ракурсы, в частности, рассматривать «дискурс в условиях информационных войн» и связанные с ним «представлени[я]... о доминирующ[ей] систем[е] ценностей», результатом чего могут стать исследования динамики трансформации НАТО, её подходов к безопасности в контексте эво-

¹²⁹ Громько Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма... С. 14.

¹³⁰ Шумилин А.И. Евросоюз в поисках новой роли на Ближнем Востоке // Современная Европа. 2019. №3. С. 31, 33.

люции западной цивилизации;

- объяснять суть недовольства США европейскими странами – участницами НАТО, что призвано детальнее оценить шансы на преодоление текущих трудностей и самостоятельность европейцев¹³¹;

- анализировать позиционную борьбу внутри НАТО, соотносить полученные на саммитах результаты с доминирующими факторами развития Альянса. Ведь, как отметил Д.А. Данилов, «НАТО остаётся наиболее подходящим местом для «сделки» с европейскими оппонентами».

* * *

Как изучение состояния и перспектив Альянса влияет на изучение проблем трансформации европейской безопасности?

Во-первых, расширяется представление о *среде* европейской безопасности (см. 3.1) и её вызовах.

Во-вторых, соединяются два направления – исследование системных проблем и проблем текущего развития.

В-третьих, трансатлантическое сотрудничество мыслится как сложный процесс, состоящий из отношений внутри Альянса, а также контактов между США и их европейскими партнёрами (см. подробнее главу 6).

В-четвёртых, подтверждается верность представления о комплексности феномена европейской безопасности и её проблемах.

ГЛАВА 5. ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОДХОДЫ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Европейская безопасность немыслима и без национальных подходов. В условиях неопределённости и разбалансировки исследователи отводят им значимую роль, поскольку, благодаря изучению политики отдельных стран, можно скорректировать представление о тенденциях и направлениях общего развития.

¹³¹ Не стоит, однако, забывать о том, чем руководствовались Соединённые Штаты, поддерживая расширение НАТО. См.: Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истокам вопроса // Современная Европа. 2017. №6. С. 34-46.

В этой главе для анализа выбраны три страны – Великобритания, Франция и Германия. При этом автор осознаёт, что из-за участия двух из них в ЕС, опции данных стран дополнительно ограничены (см. главу 3).

5.1. Великобритания

Страна, считает А.А. Алёшин, «стремится усилить свой потенциал глобального игрока и влиять на процессы как политического, так и экономического характера, происходящие в мире»¹³². Тем более «[н]а протяжении последних 30 лет, – подчёркивает он, – вооружённые силы Соединённого Королевства активно участвовали в различных военных и миротворческих операциях по всему миру», а «программа модернизации вооружённых сил позволяет... оставаться державой с глобальным военным влиянием»¹³³.

И.Г. Ковалёв аргументирует схожим образом. «Соединённое Королевство остаётся одним из ключевых игроков в международных отношениях»¹³⁴, – пишет он. «Принятие уже в ноябре 2015 года “Стратегии национальной обороны и безопасности и обзора стратегической обороны и безопасности Великобритании”... должно было, [с его точки зрения], продемонстрировать избирателям, что тори осознают те перемены, которые произошли в мире и стране... и готовы предложить адекватные ответы на актуальные проблемы и вызовы»¹³⁵.

Благодаря своей сирийской политике Великобритания, по мнению И.Г. Ковалёва, «демонстрирует наличие собственных интересов в важном для себя регионе... увязывает борьбу с террористами... с предотвращением новых атак радикальных исламистов в европейских городах... сохраняет... имидж значимой военной державы... закрепляет за собой право участия в переговорах по заключению соглашений о постконфликтном урегулировании»¹³⁶.

¹³² Алёшин А.А. Фактор брекзита в трансформации морской стратегии Великобритании // МЭиМО. 2019. №6. С. 114.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Ковалёв И.Г. «Ударить сверх возможностей»: Великобритания в вооружённых конфликтах XXI века // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 99.

¹³⁵ Там же. С. 94-95.

¹³⁶ Там же. С. 98.

А.И. Шумилин полагает, что инициатива страны по «формировани[ю] ограниченной европейской флотилии для обеспечения свободы судоходства в Ормузском проливе становится новой точкой напряжённости в отношениях Ирана и Евросоюза», потому что среди прочего «[п]равительство Бориса Джонсона проявляет признаки политического дрейфа в сторону Вашингтона по иранской проблеме»¹³⁷.

Что касается брекзита, то он, по А.А. Алёшину, выступает, с одной стороны, «деструктивным фактором для вооружённых сил»; с другой – объективным процессом: ведь «он лишь усиливает уже существующие тенденции, связанные с изменениями системы международных отношений и международной безопасности»¹³⁸.

Брекзит заставит «Великобритани[ю]... принять решение о степени взаимодействия с Европейским оборонным агентством». Выход страны из ЕС в состоянии, констатирует А.А. Алёшин, нанести «[с]ерьёзный ущерб... научно-техническому сотрудничеству ЕС с Великобританией». Не исключена «неопределённость [в] реализации совместных проектов»¹³⁹.

Однако преодоление закономерных проблем в период постбрекзита способно привести к «активно[му] развити[ю] двухсторонних оборонительных коопераций Великобритании как с давними союзниками, так и с новыми партнёрами», поскольку

¹³⁷ Шумилин А.И. Британия в Персидском заливе: между США и Евросоюзом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №4. С. 98.

¹³⁸ Алёшин А.А. Указ. соч. С. 116. Ср. с точкой зрения Т.Н. Андреевой: «Эффективное обеспечение национальной безопасности Великобритании во многом оказалось в “заложниках” у брекзита. Неблагоприятный для Великобритании исход переговоров с ЕС снижал её возможности для успешного противодействия комплексным угрозам международной безопасности... Выстраивание в современных условиях отношений с миром по вопросам обеспечения безопасности по лекалам доктрины времён имперского владычества, гласящей, что “протекающие без британского контроля международные процессы несут угрозу для безопасности страны и её влияния в мире”, не гарантирует простой путь получения Британией места одного из центров силы в системе МО (Андреева Т.Н. Приоритеты и способы обеспечения безопасности Великобритании в связи с брекзитом // Международная жизнь. 2018. №10. С. 34). См. также: Вилкова М. Брекзит и пространство свободы, безопасности и правосудия // Международная жизнь. 2018. №9. С. 126-142.

¹³⁹ Алёшин А.А. Указ. соч. С. 115.

страна «получит большую свободу в своей внешней политике и политике безопасности и при выборе партнёров по коалициям»¹⁴⁰.

5.2. Франция

Страна также активно борется за сохранение собственного влияния и статуса. Значительную роль в этом играют различные инициативы и проекты¹⁴¹, к примеру подзабытый в настоящее время проект Средиземноморского союза 2007 г., выдвигая который «Париж, – пишет Т.В. Зверева, – стремился утвердить... своё влияние в противовес другим мощным международным игрокам» и «укрепиться в Евросоюзе» путём компенсации «усилени[я] роли Берлина на так называемом восточном направлении»¹⁴².

Неслучайно Средиземноморский проект обосновывался «как масштабный «цивилизационный» проект», призванный «стать «решающим фактором мирового равновесия»»¹⁴³. Важным было «предложение отказаться от планов ускоренной «демократизации» стран региона и пойти по наиболее простому и надёжному пути создания точечных конкретных проектов с привлечением ограниченного числа заинтересованных в них участников»¹⁴⁴.

В итоге под воздействием многих факторов, в том числе и арабских революций, данный проект «в том виде, в котором он первоначально задумывался Н. Саркози как самостоятельный французский проект... не был реализован». Более того, подчёркивает Т.В. Зверева, «[р]азвитие событий привело к дальнейшему усилению роли Евросоюза». Проект «сохранился в виде простого продолжения «Барселонского процесса» и «Европейской политики соседства»»¹⁴⁵.

¹⁴⁰ Там же. С. 115-116. Возможно, имеет смысл больше учитывать также баланс между процессами европеизации и деевропеизации. См. подробнее: Бабынина Л.О. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании // Современная Европа. 2020. №3. С. 5-15.

¹⁴¹ См.: Щербак И.Н. Проблема реформирования Совбеза ООН: взгляд из Парижа // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2. С. 42-47.

¹⁴² Зверева Т.В. Средиземноморский проект Парижа // МЭиМО. 2014. №8. С. 57.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. С. 58.

¹⁴⁵ Там же. С. 64.

В связи с этим Парижу не оставалось ничего иного, как увеличивать своё влияние в ЕС. Ведь «[с]удьба Союза для Средиземноморья [по мнению Т.В. Зверевой] показала, что в новых условиях Франция не обладает достаточными политическими, экономическими и финансовыми возможностями для подобной самостоятельной масштабной программы»¹⁴⁶.

Следовательно, сорбонский проект Э. Макрона вполне можно интерпретировать как попытку активизировать процесс внутренних реформ и франковизировать Европу¹⁴⁷. Именно поэтому Т.В. Зверева отмечает: «[В]нутриполитические аспекты европейского плана Э. Макрона являются едва ли не более важными, чем поиски консенсуса между Парижем и другими европейскими столицами по вопросам реформирования Евросоюза»¹⁴⁸. Французы хотят видеть максимально быстрый результат и «продвига[ю]т амбициозную программу реформирования Евросоюза», предлагая «его «разноскоростное» развитие»¹⁴⁹.

Определённую поддержку официальные круги находят среди интеллектуалов. «В глазах части интеллектуалов и ведомой ими общественности, – констатирует А.А. Вершинин, – ЕС... до сих пор является безальтернативным для Франции ответом на вызовы эпохи глобализации. Евроинтеграция для них тождественна прогрессу, а вне прогресса у современного общества нет перспективы»¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Там же. С. 64-65.

¹⁴⁷ См. также: Фёдоров С.М. «План Макрона» для Европы: новый старт европейского проекта в XXI веке? // Современная Европа. 2018. №6. С. 30-39; Фёдоров С.М. Вопросы национального суверенитета в современном политическом дискурсе Франции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №1. С. 11-14. «Следует отметить, – пишет С.М. Фёдоров, – одну... характерную и важную деталь, касающуюся европейской программы Макрона. Его речи и предложения были обращены в первую очередь Германии... Нынешняя ситуация... весьма благоприятна для реализации европейских планов и политических амбиций молодого французского лидера... Э. Макрон вернул себе... и Франции... роль политического лидера Европы» (Фёдоров С.М. «План Макрона» для Европы... С. 34, 36, 39).

¹⁴⁸ Зверева Т.В. Проект Эмманюэля Макрона по реформированию Европейского союза // Вестник Дипакадемии. 2018. №1. С. 76.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Вершинин А.А. Французско-общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции // Контуры глобальных трансформаций: полити-

В качестве дополнительного аргумента особого интереса Франции к ЕС Ю.И. Рубинский указывает на «осложнение трансатлантических связей между ЕС и США с приходом в Белый дом Д. Трампа... Прежние условия... сотрудничества в сфере безопасности, как и в области торгово-экономических отношений, – пишет он, – оказались под вопросом. Ответом Э. Макрона стал масштабный проект коренной модернизации Евросоюза... Э. Макрон провозгласил «естественным призванием» Франции и ЕС в целом роль посредника между ведущими мировыми державами... а также инициатора решения глобальных проблем»¹⁵¹.

К.К. Гусейнов напоминает о необходимости контролировать экономическую мощь Германии после брекзита, «откры[вшего] новые возможности для усиления роли Франции как единственной ядерной державы в ЕС» и «продвижения своего ядерного потенциала в качестве европейской альтернативы американскому “ядерному щиту”»¹⁵².

Логично, что «главным залогом лидерства Франции в ЕС, по мнению Макрона, – полагает К.К. Гусейнов, – должна стать оборона и безопасность... Политика балансирования Э. Макрона предполагает поиск союзников, формирование альянсов... Франция, – по мнению К.К. Гусейнова, – пытается сохранять баланс в противовес возрастающему влиянию как политиче-

ка, экономика, право. 2017. №1. С. 84.

¹⁵¹ Рубинский Ю.И. Россия – Франция: диалог продолжается // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №5. С. 68. См. также Е.А. Осипова: «эволюция французской дипломатии за последние два десятка лет показывает, что Париж так и не нашёл ориентиров, которые позволили бы сохранить уже ставшую традиционной «особенность» политики Пятой республики... Несмотря на объективные факторы, снизившие влияние страны в мире, ей всё же отводится роль державы с глобальной ответственностью в многополярном мире. И у современной Франции есть всё, чтобы эту роль успешно выполнять» (Осипов Е.А. Всё дальше от голлизма: внешняя политика современной Франции // Международная жизнь. 2016. №3. С. 23, 31). В.Н. Чернега по этому же вопросу констатирует: «Внешняя политика Франции, как и других западных государств, стала значительно более идеологизированной, её геополитические цели всё больше пропитывались лаком “ценностного” подхода» (Чернега В.Н. Геополитический выбор Франции // Международная жизнь. 2017. №5. С. 50).

¹⁵² Гусейнов К.К. Французские инициативы в области обороны и безопасности ЕС // Современная Европа. 2020. №2. С. 208, 210.

ских противников, так и мощнейшего союзника – США... Макрон придерживается принципов голлизма или голло-миттеранизма» («гибкого голлизма»), то есть «суверенитета, независимости и стратегической автономии» с «иде[ями] как правого, так и левого политического спектра» и «укреп[ления] регионально[го] влияни[я], влия[ния] на глобальные процессы и [с] балансиру[емой] за счёт взаимодействия с европейскими игроками»¹⁵³.

Наряду с масштабными реформами Евросоюза французы предлагают инициативы, которые «не налага[ют] новых обязательств на государства-члены ЕС, а лишь дополня[ют] договорённости»¹⁵⁴ – к примеру «интервенционную инициативу».

Франция делает ставку на кооперацию и разделение ответственности. А.С. Сидоров приводит слова Э. Макрона из выступления 2017 г.: «То, что было верно вчера, более не является верным сегодня», – и указывает на «Сахельскую пятёрку», «новый формат военного сотрудничества, реализующийся на основе взаимного доверия», поскольку «Франция оказалась не в состоянии стабилизировать ситуацию в Мали и в [Сахаро-Сахельском регионе] в целом»¹⁵⁵.

Особое место в военной концепции страны занимает ядерное оружие. Для Франции как ядерной державы «[с]трагегическую роль в сдерживании, – пишет П.П. Тимофеев, – играет морской компонент – четыре ПЛАРБ (атомные подводные лодки с баллистическими ракетами – А.С.) типа «Триумфан», каждая из которых вооружена 16 баллистическими ракетами М-45 или М-515. Эти ракеты, – уточняет он, – снабжены боеголовкой TN-75, имеющей шесть ядерных боезарядов с индивидуальным наведением. Потенциально ВМС Франции способны запустить одновременно 384 ядерных боезаряда с дистанции от 6000 км (ракеты М-45) до 9000 км (ракеты М-51)»¹⁵⁶.

¹⁵³ Там же. С. 206-208, 210.

¹⁵⁴ Там же. С. 209.

¹⁵⁵ Сидоров А.С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С.120, 126, 129.

¹⁵⁶ Тимофеев П.П. Особенности ядерной политики Франции в начале XXI века // МЭиМО. 2017. №4. С. 82.

Отказываться от ядерного оружия страна не планирует, поэтому «[с]уть французской доктрины разоружения, несмотря на существенное сокращение арсенала, остаётся прежней... Франция... выступает не против *ограничения гонки ядерных вооружений*, а ведёт борьбу с *расширением клуба* за счёт новых участников»¹⁵⁷.

В.Н. Чернега конкретизирует причины сохранения страной ядерного потенциала: «[Н]и один президент Франции не верил в ядерное разоружение и не был намерен отказываться от ядерного оружия... французское государство считает обладание ядерным оружием важнейшим фактором безопасности, международного влияния и престижа страны... развитие ядерного потенциала следует рассматривать в качестве одной из ключевых задач политики Франции в области обеспечения своей безопасности и обороны на долгосрочную перспективу»¹⁵⁸.

5.3. Германия

Новую политическую ситуацию в Европе и мире А.М. Кокеев интерпретирует как «шанс для осуществления давно вынашиваемых планов «эмансипации Европы», интенсификации интеграционных усилий и придани[я] Евросоюзу большей самостоятельности в вопросах обеспечения собственной безопасности», благодаря чему «в оборонной стратегии и политике безопасности Германии обозначились существенные изменения», среди которых «задача по выработке Евросоюзом общей внешней политики и политики безопасности стала рассматриваться Берлином как необходимый шаг к трансформации альянса в более сбалансированный и равноправный «евро-американский альянс»»¹⁵⁹.

При этом «[н]икто из ответственных политиков ФРГ не питает иллюзий относительно возможностей Европы в обозримом

¹⁵⁷ Там же. С. 87. Тем более «Париж продолжает курс, направленный на укрепление позиций ЕС и НАТО в Европе» (Там же. С. 88).

¹⁵⁸ Чернега В.Н. Ядерный арсенал Франции и её подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // Актуальные проблемы Европы. 2020. №3. С. 109, 112.

¹⁵⁹ Кокеев А.М. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности Германии // МЭиМО. 2018. №11. С. 26-27. См. также: Басов Ф.А., Васильев В.И., А. Кокеев А.М., Хорольская М.В. Немецкое представление о безопасности // Международная жизнь. 2018. №10. С. 37-54.

будущем в одиночку обеспечивать собственную безопасность», но «многое говорит о том, что на этот раз как в Берлине, так и в Брюсселе... в силу многих причин, достаточно серьёзно отнеслись к необходимости добиться большей степени эмансипации от “старшего брата” в вопросах обеспечения безопасности»¹⁶⁰.

С точки зрения Д.А. Данилова, «[к]ризис “большой коалиции” в Германии, дилеммы преемственности политики, передачи власти и курсовых навигаторов новым лидерам заставляют “раскрывать карты” в большой геополитической игре. Вероятно, именно в контексте ответа Меркель надо рассматривать её интервью изданию Financial Times 15 января 2020 года ... [А]кцент сделан, – пишет Д.А. Данилов, – на том, что Меркель в кризисной, крайне турбулентной ситуации смогла сохранить и укрепить “фундаментальные опоры” Германии, ЕС и “западного мира”... Меркель ясно показала, – считает Д.А. Данилов, – что связывает дрейф Трампа от Европы не с его амбициями и представлениями об америкоцентричном мире, а как реальность развивающегося мультиполярного мира, порождённую, прежде всего, геополитическим возрождением и усилением Китая. И это даёт основания Европе не соглашаться с концепцией Трампа, выстраивать свою “стратегическую автономию” не только в трансатлантическом контексте, но и руководствуясь собственными приоритетами в отношениях с другими центрами силы»¹⁶¹.

С позицией Д.А. Данилова согласен В.И. Васильев: «А. Меркель..., – полагает он, – не изменяя традициям германских канцлеров в плане приверженности трансатлантической солидарности, имеет свой взгляд на происходящие в мире процессы»¹⁶².

¹⁶⁰ Кокеев А.М. Новые акценты в оборонной стратегии... С. 32.

¹⁶¹ Данилов Д.А. «Европейская ответственность»... С. 18-20.

¹⁶² Васильев В.И. Новые аспекты дискурса о «реальнополитик» Берлина // МЭиМО. 2015. №12. С. 33. Ср. с точкой зрения А.Г. Оганяна: «Десятилетиями Германия шла к своему лидерству в Европе... у нынешнего выбора госпожи Меркель масса уязвимых мест, и главное из них – непредсказуемость ближайшего хода событий в Европе. На каких бы треках его не просматривать: падение экономического роста и межнациональная напряжённость, накапливаемые кризисные явления в странах-членах ЕС, непредсказуемые последствия событий на Украине и угроза нарастающей конфронтации с Рос-

М.А. Зуборева усматривает «в немецкой позиции... дуализм: если, с одной стороны, – пишет она, – Германия подчёркивает своё желание участвовать в решении вопросов мировой политической повестки дня, в том числе привлекая свой военный потенциал, то, с другой стороны, в действительности ФРГ пользуется особенностями своей правовой системы, чтобы этого военного вовлечения избежать»¹⁶³.

Для Ф.О. Трунова, наоборот, «Германия успешно адаптируется к реалиям новой холодной войны»¹⁶⁴, и «[о]тказываясь от неограниченного и часто осуществляемого в нарушение норм международного права применения военной силы за пределами Европы, ФРГ де-факто утверждает[ется] в качестве нового, параллельного США, центра притяжения как в НАТО, так и в Евро-Атлантическом сообществе в целом»¹⁶⁵, переходя «от положения введомой страны, какой она была в годы “классической” холодной войны, к статусу ведущей, т.е. полновесного глобального игрока»¹⁶⁶.

Ал.А. Громыко, по всей видимости, возражает против такой трактовки событий, поскольку, с его точки зрения, «[с]уверенитет Германии ... остаётся под “двумя замками” – “пула суверенитетов” ЕС и рудиментов внешнего управления как наследия 1945 года». Он считает, что «[в] отношении Германии речь продолжает идти о феномене “сомневающегося лидера”, который во многом тяготится выпавшей на его долю ответствен-

сией, способной привести не только к экономическим, но и политическим последствиям, которые сегодня не может предсказать ни Берлин, ни Москва. Наконец, ослабление глобальной роли США. Перед Германией как национальным государством и лидером Европы – не светлые горизонты, а туманная, серая зона непредсказуемости» (*Оганесян А.Г.* Ловушка для Германии? // *Международная жизнь.* 2015. №2. С. 68-69).

¹⁶³ Зуборева М.А. Проблемы обеспечения безопасности в Германии и подходы немецких партий ХДС/ХСС к их решению // *Вестник Дипакадемии.* 2019. №4. С. 88.

¹⁶⁴ Трунов Ф.О. Изменение роли ФРГ в Европе и в мире в реалиях новой холодной войны: политико-военное измерение // *Актуальные проблемы Европы.* 2020. №1. С. 102.

¹⁶⁵ Трунов Ф.О. ФРГ как центр влияния в многополярном мире: особенности подхода к использованию силы // *Актуальные проблемы Европы.* 2017. №1. С. 202.

¹⁶⁶ Трунов Ф.О. Изменение роли ФРГ в Европе... С. 102.

ностью. Действительность... заставляет эту роль играть всё активнее»¹⁶⁷.

В.П. Фёдоров размышляет в том же направлении, акцентируя внимание на экономических рычагах лидерства страны. «От увеличения военной самостоятельности Старого Света...», – пишет он, – выиграет больше всего заокеанский партнёр, поскольку на рынке вооружений он преобладает как продавец». Валентин Петрович убеждён, что «[н]емцы почувствовали более высокую сравнительную пользу от гражданских отраслей, чем от военных» и не хотят, «проявляя упорство», приниматься за рост своих военных расходов. Тем более что «[к]ак лидер интеграционной Европы ФРГ испытывает немалые трудности в отношениях с остальными членами ЕС»; ведь «[г]ерманизация Европы – вполне очевидный процесс, характер которого изменился по сравнению с прошлым. На первое место выдвинулись невоенные факторы»¹⁶⁸.

В.П. Фёдоров употребляет и другой термин – «оптимизация Европы», который, по его мнению, «достаточно точно отражает специфику отношения ФРГ к другим членам интеграционного объединения»: страна «получает с них ренту за своё превосходство, или, иначе выражаясь, благодаря их слабости»¹⁶⁹; «следит за выполнением правил, независимо от того, насколько они оправданны»¹⁷⁰.

В.П. Фёдоров критикует отношения Германии и США: «ФРГ, – пишет он, – напоминает тип людей, которых иногда называют «велосипедистами» – в гонке пригибают голову (перед начальством), но сильно жмут на педали (т.е. на подчинённых). Можно часто наблюдать ФРГ в этой роли, когда она, выступая младшим партнёром США и следуя в их колею, одновременно без особых церемоний обращается с партнёрами, уступающими

¹⁶⁷ Громыко А.А. Европейские исследования... С. 14-15. См. также: Леонов Е.С. Методы информационного воздействия США на примере Германии // Международная жизнь. 2018. №3. С. 78-90.

¹⁶⁸ Фёдоров В.П. Германия: оптимизация Европы // Современная Европа. 2018. №3. С. 7, 10, 14.

¹⁶⁹ Там же. С. 14.

¹⁷⁰ Фёдоров В.П. Существует ли германский вопрос? // Современная Европа. 2015. №4. С. 18.

ми ей по экономическим показателям»¹⁷¹.

Н.В. Павлов и В.Ю. Хохлов также осторожны в оценке «германского экспансионизма»: «[Н]е имея ни малейшей возможности для военной экспансии или колониализма, – констатируют они, – ФРГ нашла другой способ наращивать своё международное влияние – через культурную политику, экспорт товаров, политическую интеграцию... Немецкий экспорт позволил государству вкладывать серьёзные средства во внешнюю культурную политику и создать развитую сеть влияния за рубежом, которая работает на имидж страны и приносит практическую отдачу»¹⁷².

Исходя из «современн[ой] ситуаци[и] глобальной экономической стагнации и политической нестабильности», Федеративная Республика, думают они, объективно может взять «на себя ещё большие обязательства по отношению к мировому сообществу». По мнению Н.В. Павлова и В.Ю. Хохлова, «[т]акое усиление роли Германии создаёт условия для нового импульса германского экспансионизма, и не исключено, что он начнёт принимать новые, более острые и менее «мирные» черты»¹⁷³.

Таким образом, применительно к европейской безопасности большинство авторов считает значимой проблему лидерского потенциала и перспектив его использования. Великобритания и Франция признаются несомненными лидерами. Первой прогнозируют временные трудности и выражают уверенность, что она сможет их преодолеть, выбрав необходимую для национальных интересов модель участия в европейской военной кооперации, в НАТО и в развитии отношений с Соединёнными Штатами.

Франция оказывается в более сложной ситуации, поскольку она делает ставку на углубление общей внешней политики и политики безопасности ЕС (см. вариант 2 в главе 6). Ей необходимо не только выработать новую дефиницию «стратегической автономии», настроиться на отстаивание собственных интересов в соответствии со статусом европейской державы, обладаю-

¹⁷¹ Там же. С. 20.

¹⁷² Павлов Н.В., Хохлов В.Ю. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? // Современная Европа. 2015. №4. С. 78.

¹⁷³ Там же.

шей ядерным оружием, но не способной в одиночку добиваться реализации программ и планов даже в приоритетных для себя регионах, но и получить весомые результаты в сфере обороны ЕС. В противном случае «суверенитет, независимость и стратегическая автономия» могут перевесить и изменить баланс сил в политическом истеблишменте страны.

По Германии ясности до сих пор нет, о чём и свидетельствуют разные позиции политологов. Если страна – лидер, то какой это лидер. Если ФРГ только с оговорками может претендовать на роль лидера, то, что в проблемном блоке европейской безопасности представляет долгосрочный интерес для кооперации Франции с Германией и будет ли этого достаточно для длительного партнёрства и появления новых форм. Если происходит «оптимизация Европы» в духе ФРГ, то к чему она приведёт – к экспансионизму или к развитию сотрудничества в Европе.

* * *

Как изучение подходов отдельных стран влияет на изучение проблем трансформации европейской безопасности?

Во-первых, усиливается разногласия между англоведами, франковедами и германистами, которая затрудняет появление общих представлений, верифицируемых с помощью страноведческого материала: теория и практика развиваются отнюдь не в унисон.

Во-вторых, наблюдается дисбаланс в сторону дискуссий о лидерстве, что важно, но, с учётом вышеизложенного, вряд ли должно доминировать при изучении европейской безопасности.

В-третьих, перспективной исследовательской задачей остаётся организация сотрудничества политологов-страноведов для формирования единых или относительно близких подходов к так называемым крупным проблемам, в том числе и к европейской безопасности.

ГЛАВА 6. ВАРИАНТЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В этой главе речь пойдёт о наиболее распространённых среди исследователей вариантах межгосударственного взаимодей-

ствия¹⁷⁴. Автор, чтобы избежать дублирования с выводами предыдущей главы, вынужден отказаться от ставшего традиционным ответа на вопрос о влиянии изучения каждого проблемного блока на анализ проблем европейской безопасности.

Вариант 1 касается *франко-германского тандема*. Ал.А. Громько рассматривает его укрепление как закономерный процесс: «Распад «большой тройки» (Британия, Франция, Германия)... – пишет он, – подталкивает к возрождению франко-германской оси. Но автоматически это, [по его мнению], не произойдёт»¹⁷⁵.

Практически аналогично аргументирует С.В. Бирюков, для которого сближение Франции и Германии, хотя и способствует решению сложных вопросов, но по объективным и субъективным причинам, в том числе из-за германофобских настроений во французской элите, является «проблематичным»¹⁷⁶.

А.С. Сидоров полагает, что в нынешнем составе тандема Э. Макрон, «разгладевший «окно возможностей» для Франции и Европы в целом» и «энергично вовлека[ющий] Германию», играет ведущую роль¹⁷⁷. Без персонификации, считает А.С. Сидо-

¹⁷⁴ Высказывается мнение и о таком варианте: «Общность вызовов, с которыми столкнулись как Франция и другие страны ЕС, так и Россия (терроризм, ядерное распространение, климат, вирусы и т.д.) объективно способствует развитию диалога в сфере безопасности между Россией и Евросоюзом – причём не только в классической военной области, но и других измерениях. В этом контексте нельзя не обратить внимание на заявления Макрона о необходимости пересмотра отношений с Россией, сделанные в августе 2018 года в Париже и Хельсинки» (Зуева К.П., Тимофеев П.П. Франция перед актуальными вызовами внешней и внутренней безопасности (2017–2018 гг.) // Международная жизнь. 2018. №10. С. 64).

¹⁷⁵ Громько Ал.А. Европейские исследования... С. 14. См. также статью И.Ф. Максимычева об иной ответственности тандема и Германии: «Успешные действия германо-франко-российской “тройки”, – полагает он, – в 2003–2004 годах, обозначившей реальность перспективы Большой Европы как центра влияния в мировых делах, остаются примером, что надо делать, если есть желание обеспечить всеобщий мир... “большой ФРГ” самой логикой исторического развития предначертано стать движущей силой строительства Большой Европы, и любые отклонения от этого сценария будут неизменно вызывать неудачи и регресс для немцев» (Максимычев И.Ф. Четверть века «большой ФРГ»: немцы и уроки истории // Международная жизнь. 2015. №10. С. 76-77).

¹⁷⁶ Бирюков С.В. Германия и Франция: к согласию во имя Европы? // МЭиМО. 2014. №12. С. 82-90.

¹⁷⁷ Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество:

ров, тандем изучать бессмысленно, поскольку «[х]арактерная черта франко-германского сотрудничества состоит в том, что для успешной реализации совместных проектов требуется их постоянная поддержка, курирование на самом высоком политическом уровне»¹⁷⁸.

Вследствие «демарша Э. Макрона» на лондонском саммите НАТО в 2019 г. Д.А. Данилов высказывает сомнения в эффективности тандема: «[Н]а чём может строиться этот тандем, – задаётся он вопросом, – если нет согласия в принципиальных оценках европейских отношений, и лидеры позволяют себе провокативные заявления без оглядки на своего партнёра... их политические наследники не могут поделить место ведущего в тандеме»¹⁷⁹.

В.Н. Чернега пытается соединить различные точки зрения. С одной стороны, он признаёт, что «[н]есмотря на имеющиеся трудности, франко-германское сближение при Э. Макроне и А. Меркель... несомненный факт»¹⁸⁰; с другой – призывает учитывать слабые позиции лидеров («А. Меркель, как известно, не будет переизбираться в 2021 году, – пишет он, – положение Э. Макрона во Франции тоже шаткое»), из-за чего продолжение и глубина ... процессов [сближения двух стран] остаются под вопросом». Кроме того, «[н]икуда, – замечает В.Н. Чернега, – не делось и скрытое соперничество двух стран. Об этом [по его мнению] свидетельствует неожиданная поддержка Францией в феврале 2019 года проекта директивы ЕС, которая фактически блокировала строительство газопровода “Северный поток-2”»¹⁸¹.

Таким образом, успех любого взаимодействия в тандеме, в том числе и в военно-политической сфере, исследователи ста-

«окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 178.

¹⁷⁸ Там же. С. 180.

¹⁷⁹ Данилов Д.А. «Европейская ответственность»... С. 18.

¹⁸⁰ Чернега В.Н. Франция и Германия: диалектика сотрудничества и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 168.

¹⁸¹ Там же. Ср.: «складывается впечатление, что на данном этапе стратегия “больше Европы” достигла своих пределов. Есть также признаки того, что начал выдыхаться франко-германский “мотор” интеграции, в том числе из-за уменьшения влияния лидеров двух государств» (Чернега В.Н. Евросоюз в поисках самого себя... С. 73).

вят в прямую зависимость от личных отношений руководителей стран и сложившейся в определённый временной период модели лидерства, непостоянный характер которой, по их мнению, затрудняет долгосрочные прогнозы результативности работы франко-германского тандема¹⁸².

*Вариант 2 – франко-британский союз*¹⁸³. Его особенность заключается в углублённом анализе ограниченного круга вопросов, хотя и признаётся, что «двустороннее сотрудничество расширилось от военно-политического до социально-экономического»¹⁸⁴.

«В середине 2010-х годов франко-британское взаимодействие в ядерной сфере, – констатирует А.А. Фёдорова, – стало новым фактором международных отношений (курсив наш – А.С.) в Европейском Союзе»¹⁸⁵. Процесс сближения способен, по её мнению, вызвать «противоречивые тенденции», к примеру: «создание нормативно-правовой основы для координации

¹⁸² См. мнение В.И. Васильева: «тандем Берлин – Париж не совсем достаточен для успокоения тех стран, которые традиционно настороженно относятся к ФРГ. Поэтому подключение других государств к связке Германия – Франция, например Италии, Польши, может смягчить предубеждения, помочь коллегиально отвечать на актуальные вызовы, связанные в том числе и с победой Д. Трампа в США» (Васильев В.И. Quo vadis, Германия? // Международная жизнь. 2017. №2. С. 118).

¹⁸³ А.А. Фёдорова, к примеру, ссылается на «Оттавскую декларацию 1974 года об атлантических отношениях стран-участниц НАТО»; на создание «в октябре 1992 года смешанн[ой] комисси[и] по ядерной политике и доктрине», которой «[в] июле 1993 года ... был придан постоянный статус»; на речь президента Ж. Ширака от 8 июня 2001 года («национальные ядерные силы будут становиться более мобильными, более коллективными и более европейскими»); на подписанные «2 ноября 2010 года – Ланкастерские соглашения – Декларацию о сотрудничестве в области обороны и безопасности и Соглашение о сотрудничестве в области военного использования атомной энергии»; а также на то, что «31 января 2014 года во время двустороннего саммита на авиабазе Брайз Нортон... [п]акет согласованных документов включал: 1) соглашение о намерениях создания будущей боевой системы для военно-воздушных сил; 2) технические соглашения об обмене опытом пилотирования боевых самолётов; 3) меморандум о взаимопонимании, подтверждающий заказы на противокорабельное оружие вертолётов для военно-морских сил обеих стран».

¹⁸⁴ Андреева Т.Н. Англо-французское сотрудничество при Д. Кэмероне // МЭМО. 2017. №2. С. 50.

¹⁸⁵ Фёдорова А.А. Франко-британское сотрудничество в ядерной сфере // Международные процессы. 2018. №4. С. 154.

ядерной политики двух держав в ЕС, обладающих арсеналами оружия массового уничтожения»; «частичн[ую] переориентаци[ю] Франции на усиление взаимодействия в области оборонной политики с атлантическими державами – Великобританией и США»; «некоторое дистанцирование Парижа от традиционного для него партнёрства с Берлином»¹⁸⁶.

Любопытно, что даже ПЕСКО (Постоянное структурированное сотрудничество) не способно заинтересовать Париж: «[Ф]ранко-британское взаимодействие делает подобный проект мало реалистичным, – пишет А.А. Фёдорова. – Франция будет тесно связана оборонными обязательствами со страной, выходящей из ЕС, и координировать с ней свою оборонную политику, а отнюдь не с другими членами Евросоюза... В такой ситуации франко-британское ядерное сотрудничество, – полагает она, – будет играть не на единство, а на разобщение ЕС... [Ф]ранко-британский тандем превратится в новую Антанту, нацеленную на снижение влияния Германии в Европе... В результате вместо европейского ядерного сообщества сформировался франко-британский тандем, который сделал ЕС более завязанным на взаимоотношения с Вашингтоном», – приходит к выводу А.А. Фёдорова¹⁸⁷.

Т.Н. Андреева напоминает о Ланкастерском соглашении 2010 г., которое «было расценено в мире как шаги к улучшению франко-американских отношений после отказа Франции участвовать в иракской кампании 2003 года». Данное соглашение «лишало военно-политической основы Германию в стремлении укрепить своё влияние в Европе, и заставляло её больше ориентироваться на США»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Там же. С. 155.

¹⁸⁷ Там же. С. 167. См. также А.А. Фёдорову о перспективах после брекзита: «Однако перспектива выхода Великобритании из ЕС может изменить текущую расстановку сил и теоретически привести к двум вариантам развития событий: 1) дистанцированию Франции от ЕС и усилению её взаимодействия с Великобританией – вплоть до формирования двустороннего военно-политического альянса, возрождения Антанты (без России); 2) Франция остаётся в ЕС, но привилегированное сотрудничество с Великобританией может подорвать единство объединения. В любом случае современный формат франко-британского взаимодействия объективно играет против проектов ОПБО» (Там же. С. 168).

¹⁸⁸ Андреева Т.Н. Англо-французское сотрудничество... С. 45.

Т.Н. Андреева рассматривает франко-британское взаимодействие «по формуле “равных” по своему экономическому и военному потенциалам» в качестве *непрерывного объективно-го процесса*¹⁸⁹, где субъективные позиции (к примеру, «личн[ая] неприязнь Д. Кэмерона и ...Олланда»¹⁹⁰) отходят на второй план и присутствуют *позитивные побочные эффекты*: «Улучшение франко-американских отношений после поездки Ф. Олланда в США в феврале 2014 года, – уточняет она, – способствовало... созданию основ для перспективного трёхстороннего военного сотрудничества»¹⁹¹.

Таким образом, в отличие от взаимодействия во франко-германском тандеме исследователи оптимистичнее оценивают франко-британский союз равных государств, который, по их мнению, способен повысить роль Франции в мире, а в Европейском союзе приостановить интеграцию оборонной сферы.

Вариант 3 – традиционный американо-британский альянс. Т.Н. Андреева признаёт происходящую «девальвацию статуса ведущего союзника», поскольку «Лондон... не стреми[т]ся... работать однозначно в тандеме с [Вашингтоном]». Более того, по причинам «измени[я] взглядов США на роль НАТО», закрытия «авиаба[з] на территории страны»¹⁹², выхода из Европей-

¹⁸⁹ Там же. С. 50. См. перечень объективных причин: «Очевидная неспособность Евросоюза действовать как единое целое, финансовые тяготы от санкций против России во время украинского кризиса, а также процесс консолидации сил в НАТО для военно-политического противостояния РФ и исламской угрозе с Ближнего Востока (создание ИГИЛ)... стремление сохранить своё влияние в мире в условиях сокращения ассигнований на военные нужды из-за тягот мирового финансово-экономического кризиса и кризиса Евросоюза в условиях девальвации “особых отношений”, а также сужение роли НАТО из-за переориентации внешней политики США с европейского направления на Азиатско-Тихоокеанский регион» (Там же. С. 49-50).

¹⁹⁰ Там же. С. 47.

¹⁹¹ Там же. С. 49. В качестве одного из «примеров тесного взаимодействия» называется кооперация по строительству авианосца «“Королева Елизавета” водоизмещением в 65 тыс. т, способного принимать не только британскую и американскую, но и французскую палубную авиацию». Правда «французское правительство было вынуждено отказаться от участия в этом проекте из-за нехватки финансовых ресурсов».

¹⁹² Андреева Т.Н. Британо-американские «особые отношения» при Д. Кэмероне // МЭиМО. 2016. №5. С. 63, 65. «Вашингтон желал сохранить за Лондоном роль проводника американских интересов в ЕС и – по обстоятельствам – “тормоза” военно-политической интеграции Союза».

ского союза, Великобритания стала «концентрироваться... на решении собственных... проблем в вопросах обеспечения безопасности и обороны страны»¹⁹³.

К позитивному в сотрудничестве обеих стран Т.Н. Андреева относит «борьб[у] с созданием Исламского государства и... противостояние России по украинскому и сирийскому вопросам с последующим укреплением международной роли НАТО»¹⁹⁴. Страна, по её мнению, «остаётся самым надёжным союзником по НАТО». Кроме того, «[к]аковыми бы ни были разногласия между США и Великобританией, – подчёркивает она, – американцы всё ещё нуждаются в верном союзнике, способном принимать активное участие в карательных операциях по всему миру»¹⁹⁵.

К.А. Годованюк рассматривает эволюцию отношений в альянсе через призму сложившихся структур и имеющегося опыта сотрудничества. «Сердцевина «особых отношений» Вашингтона и Лондона, – пишет она, – углублённое сотрудничество в сфере обороны, безопасности, а также партнёрство в области обмена разведывательной информацией... Ядерные силы Соединённого Королевства..., – аргументирует К.А. Годованюк, – фактически интегрированы в систему ядерного сдерживания США. Премьер-министр Великобритании может принять решение о применении ядерного оружия только при тесной координации действий с Пентагоном»¹⁹⁶. Помимо этого, между Лондоном и Вашингтоном уже были «сложные ситуации», которые сторонам удалось преодолеть и несмотря на которые «американское военное командование рассматривает Великобританию как одного из самых надёжных союзников в Европе». В связи с этим К.А. Годованюк напоминает о приостановке «Агентство[м] национальной безопасности США... обмен[а] разведанными», о «реванше Э. Хита»¹⁹⁷. Не стоит забывать и о том, что «[б]оль-

¹⁹³ Там же. С. 63.

¹⁹⁴ Там же. С. 66.

¹⁹⁵ Там же. С. 69.

¹⁹⁶ Годованюк К.А. «Особые отношения» США и Великобритании на современном этапе: противоречия и перспективы // Вестник Дипакадемии. 2019. №3. С. 70-71.

¹⁹⁷ Там же. С. 71. «В октябре 1973 года ... ограничил работу с американскими

шинство американских компаний оборонного экспорта представлены в Великобритании, а британская BAE Systems работает в США»¹⁹⁸.

Таким образом, отношения в американо-британском альянсе также трансформируются. Однако, по мнению исследователей, драматизировать ситуацию не стоит. Целесообразность и накопленный ранее инструментарий способны укрепить взаимодействие. Только теперь взаимный интерес едва ли ограничится исключительно европейским регионом. Открытым остаётся вопрос, как расширенная география сотрудничества США и покинувшей ЕС Великобритании повлияет на европейскую безопасность.

Вариант 4 – американо-германское сотрудничество. Данное сотрудничество традиционно воспринимается как неравное. Однако, констатируют А.В. Белинский и Ю.В. Никуличев, «в годы президентства Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего... тенденции его дальнейшего развития свидетельствовали о том, что Европейский союз и Германия... [готовы] выступать уже не столько соратниками Вашингтона, сколько весомым противовесом его интересам в мире» в духе «оппозици[и] “multilateralism versus unilateralism”». К концу президентства Б. Обамы отношения двух стран характеризовало, по их мнению, «глубокое взаимное разочарование»¹⁹⁹.

И всё же в исследовательском дискурсе пока бóльший интерес представляет период президентства Д. Трампа, часто называемый «кризисным».

Ф.О. Трунов характеризует его следующим образом: «Современный кризис, учитывая отсутствие признаков его завершения в ближайшей перспективе, скорее всего, будет более длительным»²⁰⁰. По его мнению, «[т]еоретически допустимы

спецслужбами и не открыл британские военные базы для американских ВВС».

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Белинский А.В., Никуличев Ю.В. «Американские горки»: эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 142, 146.

²⁰⁰ Трунов Ф.О. Кризис отношений ФРГ и США на современном этапе // Международные процессы. 2019. №2. С. 135.

два основных варианта реагирования Германии на сугубо наступательную дипломатию администрации 45-го президента Соединённых Штатов: выдвижение ответных инициатив (в том числе шоковых решений) или жёсткая оборона, то есть сохранение принципиальных основ переговорной позиции в том виде, в каком она была до прихода Д. Трампа к власти»²⁰¹.

Германия, считает Ф.О. Трунов, отдаляется от США. Так «[в] военно-политической области отдаление ФРГ от США проявляется не только в запуске платформы PESCO, но также в процессе урегулирования вооружённого конфликта на востоке Украины и при координации усилий по борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке и в Африке»²⁰², поскольку «Германия на поле антитеррористической борьбы в Африке стала де-факто конкурировать с США»²⁰³.

А.М. Кокеев, хотя его работа относится к более раннему периоду, по всей видимости, не согласен с Ф.О. Труновым и указывает на множественность потенциальных ролей (выделены в цитате курсивом): «речь о сколько-нибудь серьёзном ослаблении трансатлантических связей Германии, – пишет он, – безусловно, не идёт. В обозримом будущем она (Германия – А.С.) *останется верным союзником и надёжным партнёром США и НАТО...* Не следует, однако, забывать, что возросло не только значение США и НАТО для Германии, но и *повысилась роль последней в Североатлантическом альянсе в качестве «представителя» европейских интересов...* Не менее важна и сохраняющаяся *роль Германии как посредника* в урегулировании взаимоотношений между Западом и Россией. Нынешняя напряжённая ситуация здесь видится, хотя и не быстро, преодолимой. И вопрос о том, насколько менее зависимой от США и более самостоятельной (что далеко не равнозначно) может стать внешняя и особенно оборонная политика ФРГ в обозримом буду-

²⁰¹ Там же. С. 138.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. С. 139. Ф.О. Трунов подчёркивает: «Кризис в отношениях США с европейскими партнёрами, в том числе ФРГ, потенциально открывает “окно возможностей” для России, позволяя искать компромиссы не только и не столько с Западом в целом, сколько с ключевыми его державами по отдельности» (Там же. С. 145).

щем, остаётся открытым»²⁰⁴.

Таким образом, исследователи консенсусно заявляют об усилении самостоятельности ФРГ, но, в соответствии с признаваемой ими степенью самостоятельности, выступают либо за расширение самостоятельности, либо за установление нового баланса в отношениях между США и ФРГ.

* * *

Помимо выше рассмотренных вариантов следует помнить и комментарий А.П. Портанского: «[Н]астоящий и будущий мировой порядок не может не опираться на утвердившийся принцип многостороннего сотрудничества, который невозможно заменить системой двусторонних соглашений, ибо в этом случае исчезнут важнейшие механизмы решения проблем планетарного масштаба»²⁰⁵.

Если данная тенденция будет долгосрочной, то союзнические отношения в узких форматах могут столкнуться с дополнительным вызовом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в результате анализа работ российских политологов выводы можно разделить на две группы – *содержательную* и *методологическую*.

Что касается *содержательной* группы, то исследовательский консенсус составляет:

²⁰⁴ Кокеев А.М. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии // МЭиМО. 2015. №11. С. 43-44. См. также: «американский фактор остаётся идеологической константой в позиционировании Берлина, в том числе на российском направлении. Ключевые решения о форматах политического диалога, торгово-экономическом сотрудничестве между Москвой, Берлином и Брюсселем, как и прежде, будут приниматься в Вашингтоне. Германские лидеры в очередной раз подтвердили эту аксиому, возложив на Москву всю вину за выход США из ДРСМД. Жёсткий корсет атлантизма не даёт Берлину выстраивать относительно суверенную внешнюю политику, оставляя немцам право на декларации о добровольном самоограничении, тевтонской верности общим с США и Евросоюзом ценностям, а также ощущения стыда и бессилия от поведения главного патрона Берлина» (Васильев В.И. ФРГ – США: дружба по расчёту? // Международная жизнь. 2020. №3. С. 36).

²⁰⁵ Портанский А.П. США-Европа: союзнические отношения под угрозой // Современная Европа. 2019. №6. С. 38.

- признание факта нестабильности и разбалансировки системы международных отношений, важности совместного управления глобальными процессами;

- неопределённость дальнейшего развития европейской интеграции;

- наличие объективных трудностей на пути углубления общей политики безопасности и обороны Евросоюза;

- ослабление НАТО, которая перестаёт быть эталонной организацией и не способна претендовать на роль глобального игрока;

- стремление европейских государств – членов Североатлантического альянса повысить самостоятельность;

- неясность перспектив национального и межгосударственного уровней обеспечения безопасности, поскольку наряду с франко-германским тандемом, по мнению исследователей, может существовать и развиваться франко-британский союз; кроме того, по-разному выстраиваются отношения между США и их европейскими партнёрами;

- выделение соперничества за лидерство внутри западной цивилизации в целом и в ЕС в частности. Успех возникающих в результате подобного соперничества конфигураций пока трудно предсказать;

- европейская безопасность – собирательное понятие, смысловое наполнение которого ещё не завершено.

На основе содержательного консенсуса выделяются следующие проблемы трансформации европейской безопасности:

- нестабильность международной системы порождает региональную нестабильность, в результате чего сегментация европейской безопасности становится одной из ведущих тенденций. Вследствие сегментации речь в актуальных наработках политической элиты стран ЕС идёт не об общеевропейской безопасности, а лишь о безопасности в определённой части Европы;

- сегментация усугубляется внутренними нерешёнными проблемами ЕС. Из-за наличия других приоритетных задач комплекс безопасности не может в иерархии проблем считаться первоочередным;

- переформатирование НАТО, осуществляемое параллельно с реализацией ранее намеченных задач, потребует времени и не позволит системно заниматься различными уровнями европейской безопасности даже в географически усечённом варианте;

- с учётом новой роли Великобритании (возвращение большей свободы рук), балансирования Франции между партнёрством и «стратегической автономией», попытки Германии обрести лидерство ситуация в сфере безопасности запутывается. Не понятно, как страны западной цивилизации соединят различные уровни безопасности, к какому варианту преодоления неопределённости международных отношений и управления глобальными процессами они придут. Без этого размышления о системном характере реформ в сфере безопасности носят спекулятивный характер, а эффективное взаимодействие стран ЕС с партнёрами, не включёнными в западную цивилизацию, затруднено;

- соперничество за лидерство может закончиться конструктивно, но нельзя исключать дополнительных дисбалансов и слабых решений, что затянет переход к общеевропейскому взаимодействию;

- в связи с этим на политическое формирование единого содержания европейской безопасности рассчитывать пока не приходится.

Исходя из анализа исследовательского консенсуса, основной проблемой трансформации европейской безопасности на данном этапе развития международных отношений, на наш взгляд, является преодоление вызовов среды, поскольку неясность расстановки сил и множественность параллельно протекающих процессов приводит к сохранению неопределённости и разбалансировке, что способствует излишнему алармизму и стихийному характеру принятия решений. Впрочем, ведущие мировые игроки не исключают конфликта и готовятся к нему.

В свою очередь отличия в подходах исследователей сводятся к следующему:

- неопределённость и разбалансировка международных отношений могут интерпретироваться как естественные процессы эволюции и как результат развала прежней системы; соот-

ветственно в первом случае допускается цикличность, а во втором – она категорически отрицается;

- применительно к вызовам не ясно, насколько полицентричность окажет благотворное влияние на международные отношения: исследователи не исключают её негативное воздействие. Последнее касается и суверенитета государств;

- вызывает споры и то, как должна происходить «настройка глобальной сбалансированности системы», будет ли это исключительным делом ведущих держав или этим должны заниматься многие страны;

- до сих пор не ясно, как рассматривать интеграцию в варианте ЕС – как «среду», «державу», «международную организацию», «квазигосударственную систему», поскольку в зависимости от выбранного варианта конечные ожидания, оценка успехов и неудач применительно к той же безопасности будут различаться;

- остаётся дискуссионным вопрос, развивается ли НАТО в направлении, определяемом США, или возможна реальная самостоятельность европейцев.

На основе анализа отличий можно конкретизировать понимание проблем трансформации европейской безопасности.

Представление об эволюции международных отношений должно располагать к оптимизму и способствовать снижению критичности восприятия скорости изменений, сроков выхода на позитивный результат. В этом случае ракурс неизбежно будет смещаться с процессов системы на процессы внутри подсистем, к примеру на изучение текущего уровня взаимодействия в ЕС. Проблемы среды перестают играть значимую роль, поскольку цикличность обладает заданностью: кризис сменяется его преодолением. Если же будет доминировать вывод о развале, то европейская безопасность перестанет осмысливаться как самостоятельный феномен, и внимание исследователей будет посвящено, в первую очередь, усилиям европейцев по преодолению данного развала, что в итоге существенно сузит понимание европейской безопасности. Приоритетные проблемы безопасности в каждом из вариантов будут практически полностью отличаться друг от друга.

Станет ли полицентричность повышать конфликтный потенциал? В случае утвердительного ответа жизненно важной проблемой европейской безопасности становится построение структур, способных минимизировать негативные воздействия. Тогда с самого начала необходимо вести речь либо об обще-европейской безопасности, либо о ЕС как своеобразной крепости, готовой защищать себя от любых угроз в мире.

«Настройка глобальной сбалансированности системы» с участием ведущих государств означает периферизацию усилий ЕС и делает излишним рассмотрение французского, британского или германского лидерства.

Что касается *методологической* группы выводов, то помимо вышеотмеченного в тексте вывода о совместной работе над дискуссионными вопросами, необходимо обратить внимание на два аспекта.

Настало время работ, в которых в рамках единой концепции представлялись бы различные темы, вызовы, уровни и проблемные темы системы европейской безопасности и её подсистем. Это могли бы быть как коллективные, так и индивидуальные монографии. При этом было бы желательно, чтобы в монографиях по отдельным странам и периодам происходили бы не только сбор и обобщение фактического материала, но присутствовала бы концепуализация.

Продуктивными, наверняка, явились бы появление и научное соревнование российских авторских концепций. Пока, думается, имеют место отдельные, хотя и очень интересные, но всё же разрозненные точки зрения на вопросы, связанные с безопасностью. Авторские концепции позволят российским авторам играть более заметную роль в международном научном дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Алёшин А.А. Фактор брекзита в трансформации морской стратегии Великобритании // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. №6. С. 110-117.

Ананьева Е.В. Брекзит: голосовали сердцем // *Международная жизнь*. 2016. №7. С. 47-61.

Ананьева Е.В. Брекзит: предыстория и причины // *Международная жизнь*. 2018. №2. С. 22-34.

Андреева Т.Н. Англо-французское сотрудничество при Д. Кэмероне // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. №2. С. 44-53.

Андреева Т.Н. Британо-американские «особые отношения» при Д. Кэмероне // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. №5. С. 61-72.

Андреева Т.Н. Приоритеты и способы обеспечения безопасности Великобритании в связи с брекзитом // *Международная жизнь*. 2018. №10. С. 27-36.

Анненков В.И., Кононов Л.А. Ядерный мир как феномен процесса глобализации // *Международная жизнь*. 2014. №4. С. 2-17.

Арбатов А.Г. Контроль над ядерным оружием: конец истории? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №5. С. 5-18.

Арбатова Н.К. Евро-атлантические отношения в XXI веке: проблемы и сценарии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №11. С. 31-37.

Арбатова Н.К. Постризисные модели европейской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. №11. С. 21-26.

Бабынина Л.О. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании // *Современная Европа*. 2020. №3. С. 5-15.

Байков А.А., Дымова Л.Я. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры // *Современная Европа*. 2017. №3. С. 37-46.

Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. №5. С. 7-23.

Басов Ф.А., Васильев В.И., Кокеев А.М., Хорольская М.В. Немецкое представление о безопасности // *Международная жизнь*. 2018. №10. С. 37-54.

Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // *Международные процессы*. 2016. №1. С. 6-25.

Белинский А.В., Никуличев Ю.В. «Американские горки»: эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // *Актуальные проблемы Европы*. 2019. №4. С. 135-157.

Бирюков С.В. Германия и Франция: к согласию во имя Европы? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. №12. С. 82-90.

Богатуров А.Д. Процессы мира и войны // *Международные процессы*. 2016. №3. С. 28-38.

Борисов А.Ю. Новая мировая система, или мир без гегемона // *Международная жизнь*. 2018. №7. С. 6-35.

Борко Ю.А. Европейский союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*. 2015. №3. С. 7-16.

Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. №1. С. 15-31.

Братерский М.В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI веке // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. №1. С. 15-33.

Васильев В.И. Новые аспекты дискурса о «реальполитик» Берлина // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. №12. С. 30-40.

Васильев В.И. ФРГ – США: дружба по расчёту? // *Международная жизнь*. 2020. №3. С. 24-37.

Васильев В.И. Quo vadis, Германия? // *Международная жизнь*. 2017. №2. С. 107-127.

Вершинин А.А. Французско-общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. №1. С. 69-86.

Вилкова М. Брекзит и пространство свободы, безопасности и правосудия // *Международная жизнь*. 2018. №9. С. 126-142.

Войтоловский Ф.Г. «Определение стратегических целей – это сфера идеологии...» // Международные процессы. 2017. №1. С. 157-168.

Воронков Л.С. Влияние концепции однополярного мира на системы европейской и международной безопасности // Международная жизнь. 2016. №11. С. 139-157.

Воронов В.К. Европейский порядок: мировая смена парадигмы? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №3. С. 36-44.

Гаджиев К.С. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №8. С. 102-112.

Гаджиев К.С. Сверхдержавность: уходящий феномен XXI века? // Международная жизнь. 2017. №9. С. 72-89.

Годованюк К.А. «Особые отношения» США и Великобритании на современном этапе: противоречия и перспективы // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2019. №3. С. 63-80.

Громыко Ал.А. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции) // Современная Европа. 2017. №2. С. 6-17.

Громыко Ал.А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. №2. С. 6-19.

Громыко Ал.А. О стратегическом мышлении // Современная Европа. 2016. №2. С. 6-9.

Громыко Ал.А. Политический ландшафт Европы. Грозит ли ЕС геополитическое одиночество? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №3. С. 4-9.

Громыко Ал.А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. 2018. №4. С. 5-16.

Громыко Ал.А. Россия, США, малая Европа (ЕС): конкуренция за лидерство в мире полицентричности // Современная Европа. 2015. №4. С. 5-14.

Громыко Ал.А. Структуры соперничества и опыт истории // Современная Европа. 2016. №4. С. 6-20.

Громыко А.А. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. №1. С. 26-38.

Гусейнов К.К. Французские инициативы в области обороны и безопасности ЕС // Современная Европа. 2020. №2. С. 205-211.

Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор // Современная Европа. 2017. №1. С. 10-21.

Данилов Д.А. «Европейская ответственность» в геополитической картине А. Меркель // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №1. С. 17-23.

Данилов Д.А. НАТО: неформальный саммит или новый формат? // Международная жизнь. 2017. №8. С. 50-67.

Данилов Д.А. Россия-ЕС-НАТО: выбор рациональной стратегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №3. С. 69-75.

Данилов Д.А. Североатлантический альянс: бремя Трампа // Международная жизнь. 2017. №4. С. 20-41.

Данилов Д.А. 70 лет НАТО: юбилей на фоне политических разногласий // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №6. С. 73-79.

Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. 2019. №1. С. 5-13.

Зверева Т.В. Проект Эмманюэля Макрона по реформированию Европейского союза // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2018. №1. С. 67-77.

Зверева Т.В. Средиземноморский проект Парижа // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №8. С. 56-66.

Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе // Международные процессы. 2019. №3. С. 51-65.

Зинченко А.В., Толстухина А.Ю. Мир или война в киберпространстве? // Международная жизнь. 2018. №9. С. 82-90.

Зуборева М.А. Проблемы обеспечения безопасности в Германии и подходы немецких партий ХДС/ХСС к их решению // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2019. №4. С. 76-89.

Зуева К.П., Тимофеев П.П. Франция перед актуальными вызовами внешней и внутренней безопасности (2017–2018 гг.) // Международная жизнь. 2018. №10. С. 55-66.

Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истокам вопроса // Современная Европа. 2017. №6. С. 34-46.

Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. 2020. №3. С. 117-127.

Иванов О.П., Копылов А.В. Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2015. №4. С. 35-50.

Истомин И.А., Болгова И.В., Сушенцов А.А., Ребро О.И. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. №1. С. 26-34.

Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. №4. С. 42-62.

Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Brexit для развития Европейского союза // Вестник МГИМО (У). 2016. №6. С. 24-30.

Карпович О.Г. Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира // Международная жизнь. 2014. №5. С. 88-102.

Клепацкий Л.Н. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. 2015. №8. С. 25-45.

Ковалёв И.Г. «Ударить сверх возможностей»: Великобритания в вооружённых конфликтах XXI века // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 81-102.

Кокеев А.М. Новые акценты в оборонной стратегии и политике безопасности Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №11. С. 26-34.

Кокеев А.М. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №11. С. 38-46.

Кондратьева Н.Б. Трансатлантическое партнерство ЕС-США: перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №8. С. 5-13.

Копылов А.В. О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» // Вестник Дипломатической академии МИД

России: Россия и мир. 2015. №2. С. 31-43.

Кузнецов А.В. Переосмысление концепции Большой Европы в связи с украинским кризисом // Международная жизнь. 2014. №12. С. 6-17.

Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО (У). 2016. №2. С. 125-133.

Лебедева М.М. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №9. С. 29-37.

Леонов Е.С. Методы информационного воздействия США на примере Германии // Международная жизнь. 2018. №3. С. 78-90.

Максимычев И.Ф. Четверть века «большой ФРГ»: немцы и уроки истории // Международная жизнь. 2015. №10. С. 64-78.

Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. №3. С. 160-184.

Миронюк М.Г., Толокнев К.А., Мальцев А.М. Военная мощь в мировой политике для победы в войне, для предотвращения войны и (или) для обретения статуса? // Международные процессы. 2018. №2. С. 26-48.

Мозель Т.Н. Европейский союз: назревшие перемены // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2018. №1. С. 30-43.

Надточей Ю.И. Назад в Евро-Атлантику: почему НАТО перестает быть глобальной организацией? // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №6. С. 18-30.

Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Разделение финансового бремени в НАТО: старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. №1. С. 56-77.

Неймарк М.А. Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. 2018. №1. С. 26-35.

Оганесян А.Г. Ловушка для Германии? // Международная жизнь. 2015. №2. С. 66-70.

Осипов Е.А. Всё дальше от голлизма: внешняя политика современной Франции // Международная жизнь. 2016. №3. С. 22-33.

Павлов Н.В., Хохлов В.Ю. Экспансионизм во внешней политике ФРГ: миф или реальность? // Современная Европа. 2015. №4. С. 69-80.

Панюжева М.М. Европейская безопасность: атлантизм vs европеизм // Современная Европа. 2016. №1. С. 63-75.

Портанский А.П. США-Европа: союзнические отношения под угрозой // Современная Европа. 2019. №6. С. 30-39.

Рубинский Ю.И. Россия – Франция: диалог продолжается // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №5. С. 66-70.

Семененко И.С., Прохоренко И.Л. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №7. С. 29-40.

Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «окно возможностей» или движение по инерции? // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 172-186.

Сидоров А.С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. №4. С. 116-137.

Скриба А.С., Тихонов С.В. Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 83-103.

Соловьёв Э.Г. Возвращение истории: конец эпохи либерализма? // Международная жизнь. 2015. №12. С. 63-75.

Соловьёв Э.Г. Суверенитет в рамках полицентричного миропорядка: возвращение к истокам // Международная жизнь. 2014. №6. С. 96-110.

Стрежнева М.В. Субъектность Евросоюза в отражении организационной теории // Международные процессы. 2016. №1. С. 63-76.

Тимакова О.А. Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России: Россия и мир. 2017. №4. С. 35-41.

Тимофеев П.П. Особенности ядерной политики Франции в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2017. №4. С. 81-90.

Трунов Ф.О. Изменение роли ФРГ в Европе и в мире в реалиях новой холодной войны: политико-военное измерение // Актуальные проблемы Европы. 2020. №1. С. 85-109.

Трунов Ф.О. Кризис отношений ФРГ и США на современном этапе // Международные процессы. 2019. №2. С. 131-148.

Трунов Ф.О. ФРГ как центр влияния в многополярном мире: особенности подхода к использованию силы // Актуальные проблемы Европы. 2017. №1. С. 185-206.

Фёдоров В.П. Германия: оптимизация Европы // Современная Европа. 2018. №3. С. 5-15.

Фёдоров В.П. Существует ли германский вопрос? // Современная Европа. 2015. №4. С. 15-27.

Фёдоров С.М. «План Макрона» для Европы: новый старт европейского проекта в XXI веке? // Современная Европа. 2018. №6. С. 30-39.

Фёдорова А.А. Франко-британское сотрудничество в ядерной сфере // Международные процессы. 2018. №4. С. 154-169.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. №2. С. 8-18.

Цырендоржиев С.Р. К вопросу о сущности военных угроз и невоенных мер их парирования // Вестник МГИМО (У). 2015. №2. С. 140-149.

Чернега В.Н. Геополитический выбор Франции // Международная жизнь. 2017. №5. С. 44-53.

Чернега В.Н. Евросоюз в поисках самого себя // Международная жизнь. 2019. №7. С. 66-75.

Чернега В.Н. Франция и Германия: диалектика сотрудничества и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2019. №4. С. 158-171.

Чернега В.Н. Ядерный арсенал Франции и её подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // Актуальные проблемы Европы. 2020. №3. С. 94-117.

Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. 2018. №1. С. 40-52.

Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. №4. С. 6-19.

Швейцер В.Я., Таршин А.С. Европейский союз: критики и апологеты // Современная Европа. 2016. №1. С. 16-25.

Шумилин А.И. Британия в Персидском заливе: между США и Евросоюзом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №4. С. 93-99.

Шумилин А.И. Евросоюз в поисках новой роли на Ближнем Востоке // Современная Европа. 2019. №3. С. 25-35.

Щербак И.Н. Антикризисные механизмы ОБСЕ в интеграционных процессах Запад – Восток // Международная жизнь. 2014. №12. С. 45-56.

Щербак И.Н. Проблема реформирования Совбеза ООН: взгляд из Парижа // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. №2. С. 42-47.

Юдин Н.В. Трёхчастная таксономия исследований силы в теории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2019. №4. С. 68-77.

ОБ АВТОРЕ

Синдеев Алексей Александрович, доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН. Автор 4 монографий. С 2016 по 2020 г. опубликовал 18 статей в журналах, входящих в международные базы Web of Science и Scopus; 20 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Из них по проблемам европейской безопасности - 32 статьи. Общее количество статей в остальных журналах, сборниках и глав в коллективных монографиях с 2016 по 2020 год – 27. 4 статьи посвящены франко-германскому тандему и написаны в соавторстве с доктором исторических наук, профессором, главным научным сотрудником Института Европы РАН, руководителем Центра французских исследований Института Европы РАН Ю.И. Рубинским.

ABOUT THE AUTHOR

Alexei A. Sindeev, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Author of 4 monographs. From 2016 to 2020, published 18 articles in journals included in the international databases Web of Science and Scopus; 20 articles in journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Of these, 32 articles on European security issues. The total number of articles in other journals, collections and chapters in collective monographs from 2016 to 2020 is 27. Four articles are devoted to the Franco-German tandem and were co-authored with a Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Head of Centre for French Studies, Institute of Europe Yu. Rubinsky.

**В 2018–2020 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

356. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Отв. ред. Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН № 356. М., 2018 г.
357. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 357. М., 2018 г.
358. И.С.Гладков, Е.Ю.Горбатенко. Внешняя торговля Европейского союза: особенности на современном этапе. ДИЕ РАН № 358. М., 2018 г.
359. А.И.Бажан. Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты. ДИЕ РАН № 359. М., 2018 г.
360. Экономика и политика Германии: через год после выборов. Отв. ред. Е.П.Тимошенкова. ДИЕ РАН № 360. М., 2019 г.
361. Германия. 2018. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 361. М., 2019 г.
362. Свет и тени «эры Макрона». Отв. ред. В.Я. Швейцер. ДИЕ РАН № 362. М., 2019 г.
363. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. Отв. ред. О.В.Буторина. ДИЕ РАН № 363. М., 2019 г.
364. Итоги правления Терезы Мэй. Под ред. Е.В.Ананьевой. ДИЕ РАН № 364. М., 2019 г.
365. П.В.Осколков. Правый популизм в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 365. М., 2019 г.
366. А.И.Шумилин. Ближневосточные конфликты: европейский подход. ДИЕ РАН № 366. М., 2019 г.
367. И.Н.Щербак. Роль ООН, ЕС и ОБСЕ в кризисном урегулировании. ДИЕ РАН № 367. М., 2019 г.
368. Германия. 2019. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН № 368. М., 2020 г.
369. Е.П.Тимошенкова. Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А.Меркель. ДИЕ РАН № 369. М., 2020 г.
370. Денежно-кредитное регулирование в России и ЕС. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН № 370. М., 2020 г.
371. Л.С.Биссон. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. ДИЕ РАН № 371. М., 2020г.
372. Европа в поиске новых решений. Отв. ред. Р.Н.Лункин, П.В.Осколков. ДИЕ РАН № 372. М., 2020 г.
373. К.А.Годованюк. «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. ДИЕ РАН № 373. М., 2020 г.
374. Коалиционные правительства в современной Европе: шансы и риски. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 374. М., 2020 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2018–2020

356. Th. May's Minority Government – a Year in Power. Ed. by E.V. Ananieva. Reports of the IE RAS, № 356. M., 2018.
357. Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 357. M., 2018.
358. I.S.Gladkov, E.Yu.Gorbatenko. The foreign trade of the European Union: features at the present stage. Reports of the IE RAS, № 358. M., 2018.
359. A.I.Bazhan. Prospects for European integration: monetary and financial aspects. Reports of the IE RAS, № 359. M., 2018.
360. Economy and Politics of Germany – a year after the elections. Ed. by E.P.Timoshenkova. Reports of the IE RAS, № 360. M., 2019.
361. Germany. 2018. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 361. M., 2019.
362. Light and Shadows of the «Macron Era». Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 362. M., 2019.
363. The Wider Black Sea Region: Politics, Economy, Security. Ed. by O.V.Butorina. Reports of the IE RAS, № 363. M., 2019.
364. Theresa May's Governance – Summing Up. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 364. M., 2019.
365. P.V.Oskolkov. Right-Wing Populism in the European Union. Reports of the IE RAS, № 365. M., 2019.
366. A.I.Shumilin. The Middle East conflicts: European Approach. Reports of the IE RAS, № 366. M., 2019.
367. I.N.Shcherbak. The role of the UN, EU and OSCE in crisis regulation. Reports of the IE RAS, № 367. M., 2019.
368. Germany. 2019. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 368. M., 2020.
369. E.P.Timoshenkova. A party political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship. Reports of the IE RAS, № 369. M., 2020.
370. Monetary regulation in Russia and the EU. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, № 370. M., 2020.
371. L.S.Bisson. Legal migration governance in the European Union. Reports of the IE RAS, № 371. M., 2020.
372. Europe in search of new solutions. Ed. by R.N.Lunkin, P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, № 372. M., 2020.
373. K.A.Godovanyuk. «Global Britain» in the run-up to Brexit. Reports of the IE RAS, № 373. M., 2020.
374. Coalition Governments in Contemporary Europe: chances and risks. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 374. M., 2020.

Научное издание

А.А. Синдеев

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ
ПОЛИТОЛОГОВ

Монография

Доклады Института Европы

№ 375

Подписано в печать 15.12.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,25
Тираж 500 экз. Заказ № 2307

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.
E-mail: europe-ins@mail.ru
Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86